

НУЛЕВАЯ ПОПРАВКА

роман

ZLOSOSIS

ZLO SOSIS
Нулевая поправка

https://litres.ru/74835242
SelfPub; 2026

Аннотация

В Бережске смерть оформляют заранее. Ошибки не принимаются.

Марк Синицын третий год раскладывает чужие извещения по папкам и опаздывает на смену. В тот вечер опоздание сохраняет ему жизнь и ставит под сомнение город, который уже списали.

Одного возражения хватает на пятьдесят девять секунд. Потом списанный семнадцать лет назад город начинают сверять заново.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	42
Глава третья	79
Глава четвёртая	114
Глава пятая	155
Конец ознакомительного фрагмента.	170

ZLO SOSIS
Нулевая поправка

В этом городе смерть оформляют заранее.

Глава первая
Умереть по инструкции

В день, когда город официально признали мёртвым, Марк Синицын опоздал на вечернюю смену на семь минут.

Впоследствии выяснилось, что это спасло ему жизнь. С другой стороны, если бы он пришёл вовремя, возможно, город прожил бы ещё несколько часов.

Но в начале смены Марк об этом не думал. Он думал о кофе, который пролился ему на единственные приличные брюки, о сломанном турникете и о том, что начальница умеет определять опоздания даже с закрытыми глазами. Некоторые люди рождались с даром управлять огнём. Серафима Петровна родилась с даром презрительно смотреть сквозь стены.

— Семь минут, — сказала она, не поднимая головы от бумаг.

— Шесть сорок восемь.

— Восемь — это уже почти девять. Вы прогрессируете, Синицын. Ещё немного, и вы опоздаете на собственные похороны.

— Я бы предпочёл там вообще не появляться.

— Не волнуйтесь. К вашему мнению никто не прислушается.

Под дверью кабинета висела табличка: «УПРАВЛЕНИЕ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ. ОТДЕЛ НЕВРУЧЁННЫХ ИЗВЕЩЕНИЙ». Под табличкой кто-то приклеил маленькую бумажку: «Не звоните. Мы и так знаем». Её снимали трижды. Она возвращалась.

Марк работал здесь третий год. По официальной должности — младший сортировщик корреспонденции. По суще-

ству — человек, который раскладывал чужие кошмары по папкам, чтобы кошмары не мешали старшим сотрудникам пить чай.

Извещения бывают разные. Белые — о несостоявшемся событии. Серые — о событии, которое ещё можно предотвратить. Красные — о событии, которое предотвратить уже нельзя, но почему-то очень хочется. Самыми неприятными считались бесцветные: они приходили после того, как адресата переставало существовать. Бумага у них была такая тонкая, что сквозь неё просвечивали пальцы.

Семнадцать лет назад мир пережил Первое несовпадение. В Бережске в один и тот же час поезд сошёл с рельсов и благополучно прибыл на конечную, родились дети, которые умерли за три дня до рождения, а городская ратуша простояла целую ночь на противоположном берегу реки. Утром всё вернулось на места. Кроме тех, кто не вернулся.

С тех пор реальность периодически требовала сверки с документами. Никто толком не знал, кто пишет документы. Зато все знали, кто приходит, если их проигнорировать.

Из людей, способных вмешиваться в сверки, сделали правщиков. Лицензии, категории, страховки, допуски. У некоторых был талант заставить дождь падать вверх на три секунды, у других — отменить удар сердца, чтобы пуля прошла мимо. Крупные правки оплачивались не деньгами: человек отдавал какую-нибудь возможность из своего будущего. Поехать к морю. Влюбиться. Дожить до старости. Размен

был разный. Расценки — непубличные.

Марк не был правщиком. Его дважды проверяли, и оба раза аппарат вежливо сообщил: «ПОЛЕЗНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕ ОБНАРУЖЕНО».

Во второй раз аппарат добавил: «ПРОВЕРКА БЕЗВОЗМЕЗДНА».

Даже машина сочла нужным его утешить.

— Папка пятьдесят три, — сказала Серафима Петровна. — Распределить до конца смены. И не вскрывать красные.

— Я когда-нибудь вскрывал красные?

— Прошлый вторник.

— Там было написано: «Вскрывать немедленно».

— Внешне. Вы должны были помнить, что красным извещениям доверять нельзя.

— А белым?

— Белым особенно.

Её настольный телефон зазвонил. Тот самый старый чёрный аппарат, который был отключён от сети с прошлого октября. По описи его вообще не существовало.

Они оба посмотрели на трубку.

Звонок повторился.

— Если это из бухгалтерии, скажите, что я умерла, — предупредила начальница.

Марк взял трубку.

В ней шипело, словно кто-то медленно разрывал лист бумаги возле микрофона. Потом раздался детский голос:

— Извините. Куда отправляют письма, если получатель ещё не родился?

Марк прижал трубку к уху.

— В соседний отдел. Приём по вторникам.

— Но сегодня четверг.

— Именно поэтому нам и не доверяют важные дела.

На том конце кто-то тихо засмеялся. Не ребёнок. Сразу много людей, но как будто ртами, полными воды.

— Вы опоздали на семь минут, Марк, — сказали они. — Пожалуйста, больше не опаздывайте. Это может спасти слишком многих.

Связь оборвалась.

Серафима Петровна стояла так неподвижно, что Марк впервые за три года увидел, как у неё дрожат пальцы.

— Кто? — спросила она.

— По-моему, мой начальник по судьбе. Говорит неприятные вещи и никогда не представляется.

— Что именно он сказал?

Марк повторил.

Начальница молча закрыла дверь кабинета, достала из ящика стола ключ и заперла его внутри.

— Синицын, — произнесла она, — сегодня вы никуда не пойдёте. Ни за хлебом, ни в уборную, ни спасать мир. Особенно последнее. Поняли?

— С уборной у меня могут возникнуть переговоры.

— Пообещайте.

Он не успел.

Из вентиляционной решётки над ними выпал конверт.

Бумага была сухая, хотя на полу остался мокрый след. Конверт медленно повернулся, подхваченный сквозняком, и лёг лицевой стороной вверх.

Красный.

На нём была указана фамилия адресата.

СИНИЦЫН МАРК АНДРЕЕВИЧ.

Ниже аккуратным канцелярским шрифтом: «ДОСТАВИТЬ ДО ИСПОЛНЕНИЯ. ВРЕМЯ ОСТАЛОСЬ: 00:33:14».

— Мне кажется, — сказал Марк, — это намёк на премию.

— Не трогайте его.

Но конверт уже раскрылся сам.

Внутри лежал билет на шестой состав Бережского кольца, карта метро с жирно зачёркнутой четвёртой платформой и тонкий лист с заголовком «АКТ № 61-04/С».

На листе было всего несколько строк:

«18:08. Состав № 6 принят к исполнению с восемьюдесятью тремя пассажирами.

18:42. Состав № 6 входит на четвёртую платформу станции „Литейная“.

18:42:01. Двери состава подлежат блокировке.

18:42:07. Все восемьдесят три пассажира подлежат окончательному списанию.

Основание: техническая неисправность, подтверждённая пассажирской ведомостью».

Ниже следовали имена. На второй странице, почти посередине, Марк увидел знакомую фамилию.

СИНИЦЫНА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

Его младшая сестра.

Он позвонил ей раньше, чем успел решить, верит ли этому документу.

— Да? — отозвалась Вера. — Если ты опять просишь меня купить хлеб, то вынуждена сообщить: семье нужен второй взрослый.

За её голосом гремела музыка и чей-то смех. Издалека слышался голос диктора: «Осторожно, двери закрываются».

— Где ты?

— В метро. Еду на испытание в техникум. Если повезёт, мне дадут ремонтировать нормальные машины, а не твой чайник.

Марк смотрел на билет в конверте.

— Какой поезд?

— Большой железный. Внутри люди. Важные признаки перечислила?

— Вера.

По тому, как он произнёс её имя, она всё поняла. Дальше без шуток:

— Шестой. По табло — шестой. Что случилось?

— На следующей станции выходи.

— Литейная следующая.

— Тогда прямо сейчас.

— Марк, ты когда-нибудь пробовал выходить из движущегося поезда? Не советую. Метро воспринимает это лично.

В трубке треснуло.

На фоне прозвучал другой голос. Монотонный, слишком близкий к микрофону:

— Уважаемые пассажиры. Просим не беспокоиться о пункте назначения. Он уже беспокоится о вас.

Потом связь исчезла.

Серафима Петровна вырвала лист у Марка из рук и побледнела сильнее бумаги.

— Восемьдесят три, — прошептала она. — Но это невозможно.

— На маршруте сто человек помещается легко.

— Я не о количестве. Этот Акт уже исполнен.

— Тогда почему Вера в вагоне?

Начальница подняла на него глаза.

— Потому что кто-то переписывает сегодняшнюю дату под старым приговором.

И впервые за всё время знакомства Марк услышал, как она ругается.

Очень тихо. Очень профессионально. На языке, которого он не знал.

. . .

На улице Бережск жил своей обычной жизнью. Трам-

ваи ругались с автомобилями. В кофейнях обсуждали цены, любовь и цены на любовь. На рекламном экране обещали: «СТРАХОВКА ОТ НЕСООТВЕТСТВИЙ. ВАШЕ БУДУЩЕЕ — В НАШИХ РУКАХ». Мелким шрифтом внизу уточнялось, что будущее, утраченное до заключения договора, возврату не подлежит.

Вдалеке над крышами уже собиралось неправильное небо.

На часах телефона было 18:17. Отпущенный конвертом срок таял быстрее, чем Марку нравилось.

Марк бежал к станции, сжимая красный конверт. Серафима Петровна осталась звонить по внутренней линии. Она сказала лишь: «Не принимайте никаких условий. Даже если они написаны вашим почерком». Он хотел спросить, что это значит, но у неё в кабинете вдруг начался снег. В октябре. За закрытой дверью.

От Управления до «Литейной» было восемь кварталов. Такси не останавливались, потому что навигаторы показывали, будто улица ведёт в море. Марк поймал курьера на электрическом мотоцикле, предложил ему три тысячи и честно предупредил, что спешит туда, где, возможно, скоро погибнут восемьдесят три человека.

— Три тысячи за всех? — уточнил курьер.

— За дорогу.

— Тогда садитесь. С хорошей новостью про человечество потом.

Мотоцикл влетел в поворот так, словно за ними гнались

налоговики. Марк был бы счастлив умереть от страха по дороге: это заметно упрощало выбор между несколькими более сложными вариантами смерти.

Перед входом в метро уже мигали жёлтые маячки Управления. Территорию перекрывали люди в серых бронекуртках. Граждан не пускали вниз. Граждане, как обычно, считали, что им что-то недоговаривают. Это была одна из редких ситуаций, когда граждане оказывались абсолютно правы.

— Стоять! — крикнул охранник Марку. — Зона сверки!

— У меня там сестра.

— У всех там кто-нибудь.

— А у вас?

Мужчина сжал губы.

— У меня смена.

Марк показал служебное удостоверение.

— Отдел невручённых извещений.

Охранник хмыкнул:

— Ещё и почту прислали. Прекрасно. Может, потом цветов поднесёте.

— Если не пустите, пришлю вам извещение о собственной глупости. С красной печатью.

Собеседник потянулся к рации.

— Пропустите его, — произнёс женский голос за спиной. — Хочу посмотреть, как скоро он пожалеет.

Женщина в тёмной полевой куртке спускалась по ступеням, застёгивая перчатку. Короткие чёрные волосы были со-

браны на затылке, на левом виске тянулся тонкий серебристый шрам. На груди блестел знак правщика третьей категории: три линии внутри незамкнутого круга.

— Тая Белова, — представилась она. — Оперативная группа «Седьмая поправка». Ты кто?

— Марк. Пока ещё Синицын.

— Удостоверение.

Она бросила взгляд на его должность.

— Сортировщик? Что, в конце смены решили разобрать и нас?

Он протянул ей красный лист.

Выражение лица Беловой изменилось, когда она увидела время.

— Где взял?

— Письмо пришло в кабинет без помощи почтальона.

— И почему ты не вызвал правщиков?

— Позвонил. Обещали перезвонить, когда освободятся. Судя по обстановке, вы освободились.

Тая перевернула бумагу.

— Пассажирская ведомость уже у нас. Восемьдесят три. Шестой состав отключился от управления десять минут назад. В кабине никого. Машиниста не было, когда поезд заходил в тоннель. На записях с камер он есть. Понимаешь разницу?

— Начинаю понимать, за что вам платят.

— Нам не платят. Нам разрешают стареть.

Сверху раздался хлопок. На стене станции, где висела реклама газировки, исчезло слово «ВМЕСТЕ». Теперь плакат говорил: «СЧАСТЛИВЕЕ БЕЗ».

— Раннее искажение, — сказала Тая. — Плохо. На входе уже обнуляются камеры. Акт пытается закрепить версию событий до исполнения.

— На какой стадии работа по спасению?

— Четыре правщика. Два уже потеряли допуск. Одного вынесли в мешке. Я могу задержать блокировку дверей на десять секунд. Больше не получится.

— Почему?

Она посмотрела на него так, будто он спросил, почему вода мокрая.

— Потому что за одиннадцатую секунду я не успею расплатиться.

Тая раскрыла свой планшет. На экране чернильными буквами шёл текст Акта. Рядом с каждой строкой светилась цена вмешательства: «ЧАСТЬ ПАМЯТИ», «ВОЗМОЖНОСТЬ РОЖДЕНИЯ», «СЕМЬ ЛЕТ НЕИСПОЛЬЗОВАННОГО ВРЕМЕНИ». Последнее было зачёркнуто.

Марк почувствовал, как внутри стало холодно.

— А разве нельзя просто остановить поезд?

— Пробовали. Три тормозных контура включились, потом поезд решил, что он не поезд. Техника здесь подчиняется документу, а не физике. Исполнению осталось двадцать минут.

Она оглядела его с головы до ног.

— Последний шанс передумать. Возвращайся наверх.

— Ты сказала «последний»? — Марк взглянул на часы. — Значит, ещё будут предпоследние. Я их потом использую.

— Упрямый.

— Экономный.

Он пошёл за ней вниз.

. . .

«Литейная» была одной из тех станций, которые старые архитекторы называли «торжеством человеческого духа», а пассажиры — «местом, где всегда течёт потолок». Мраморные колонны, высокие арки, фреска с рабочими металлургического завода. Под фреской стоял автомат с надписью «ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК БЕСПЛАТНО». Он выдавал сдачу монетами несуществующего государства.

Сейчас в переходе царила странная тишина. Из динамиков без конца повторяли одно и то же объявление:

— Поезд на четвёртую платформу прибудет в восемнадцать часов сорок две минуты. Просьба не покидать станцию до окончания движения.

На табло мигало «6». Под цифрой проступало что-то ещё, словно изнутри экрана кто-то царапал стекло.

По периметру платформы стояли люди Управления. В воздухе была натянута тонкая жёлтая лента, похожая на све-

тящуюся паутину. За ней рельсы уходили в тоннель, наполненный густой чернотой. Это была не темнота. Темнота отступает перед фонарём. Эта оставалась на месте и, кажется, наблюдала.

— Как дела с эвакуацией? — спросила Тая у мужчины со сломанным носом.

— Время доставки обновилось семь раз, — ответил он. — Двери между вагонами закрыты. Все аварийные люки заварены — технически. Фактически швы появились там, где металла раньше не было.

— Дрон?

— Не дошёл до состава. Вернулся с записью завтрашнего дня. На записи мы все мертвы.

— И это одна из оптимистичных версий, — заметила Тая.

Марк услышал звонок.

У двери служебного помещения стоял маленький мальчик в школьной куртке. На груди у него висел бумажный жетон, а лицо было мокрым от слёз. Сотрудники Управления проходили мимо так, словно не замечали его.

— Ты потерялся? — спросил Марк.

Мальчик кивнул.

— Мама в поезде. Она сказала ждать. Но поезд всё время приезжает, и каждый раз мама на нём умирает.

Марк присел перед ним.

— Как тебя зовут?

— Егор.

— Я Марк. И я в ужасе от всего происходящего. Так что мы уже друзья.

Мальчик немного подумал.

— А вы не умрёте?

— Сегодня у меня много дел. Не планировал.

— А можно не планировать и всё равно умереть?

— Вот поэтому я не работаю учителем, Егор.

Он обратил внимание на жетон. «СВИДЕТЕЛЬ. ПЛАТФОРМА 4. ДОПУСК НЕ ТРЕБУЕТСЯ». На обороте стояла печать: дата 17 сентября 2039 года.

— Откуда у тебя это?

Мальчик посмотрел с таким неподдельным ужасом, что Марк пожалел о вопросе.

— Мужчина в длинном пальто дал. Сказал, если я буду хорошо ждать, меня тоже запишут.

— Куда?

Егор указал пальцем за плечо Марка.

На другом конце платформы стоял высокий человек в сером пальто, слишком прямой для живого. Лицо его скрывала газета. Не поднятая перед лицом — приклеенная к нему, словно кожа, на которой напечатали объявления о продаже квартир. Между строками медленно открывался рот.

Никто, кроме мальчика и Марка, на него не смотрел.

— Тая, — позвал Марк.

Женщина обернулась. Её лицо стало жёстким.

— Назад. Оба.

Человек сложил газету пополам. Где должны были быть глаза, выступили две круглые сургучные печати. Он склонил голову, с хрустом выпрямил шею и заговорил голосом диктора метро:

— Осмотр пассажиров завершён. Присутствует один лишний свидетель. Требуется устранение.

Люди на платформе резко замолчали.

— Ревизор, — выдохнул мужчина со сломанным носом.

Тая подняла руку. Три серебряные линии на её знаке загорелись.

— Поправка! — выкрикнула она. — Условие: свидетель находится вне зоны исполнения!

В воздухе раскрылась белая полоса, похожая на длинную линейку. Ревизор шагнул вперёд и вдруг оказался на несколько метров дальше, ударившись плечом о колонну. Та лопнула, как печенье. По полу побежали трещины.

— Вариант изъят, — прозвучало откуда-то сверху. — Возможность: никогда больше не увидеть первый снег.

Тая дёрнулась, но устояла. Несколько снежинок, попавших с улицы на её плечо, мгновенно превратились в серую пыль.

Марк схватил Егора за руку и потащил за жёлтую ленту.

— Беги к охране. Скажи, что ты свидетель. И ничего не подписывай.

— А вы?

— Я попытаюсь сделать то, за что меня потом обязательно

уволят.

Мальчик убежал. Ревизор повернулся к Марку, и две печати на его лице прижались друг к другу, словно он улыбался.

— Синицын Марк Андреевич, — произнёс он. — Неучтённое исполнение. Просим вернуться на место вашей смерти.

— Мне туда по проездному или по удостоверению?

Ревизор не ответил. Вместо этого его пальто распахнулось, и оттуда вылетело нечто, похожее на десятки длинных бумажных лент. На каждой были напечатаны имена. Ленты ударили в пол рядом с Марком, выбивая куски камня, затем потянулись к его рукам.

Он упал, перекатился за колонну и услышал, как одна из лент пробивает мрамор в том месте, где только что находилась его голова.

На экране телефона мигнуло сообщение от Веры.

«ТЫ ИДИОТ? ВЫШЕ УРОВНЯ ПОЛА ВАГОНА НАХОДИТСЯ ШТУКА С ТВОИМ ЛИЦОМ. ОНА ГОВОРИТ, ЧТО ЭТО ТЕБЯ СПИШУТ, А НЕ НАС. НЕ ПРИХОДИ».

Марк прочёл сообщение дважды.

Потом написал: «Ты меня знаешь. Если не приходить — значит точно приду».

Ответ пришёл сразу: «ДА. ПОЭТОМУ Я И НАПИСАЛА. ПРИДУМАЙ ЧТО-НИБУДЬ УМНЕЕ».

Именно в этот момент электронное табло над платформой

сменило цифру «6» на слово «ОШИБКА».

. . .

В 18:33 поезд впервые показался из тоннеля.

Не весь. Сначала возникла кабина, потом вторая кабина, а между ними на долю секунды оказались наложены два разных состава: один целый, другой искорёженный, залитый чем-то чёрным. В окнах мелькали живые лица, затем белые прямоугольники, потом снова живые.

Поезд остановился у платформы, но двери не открылись.

На стекле ближайшего вагона ладонь оставила отпечаток. Девочка лет семи стучала изнутри, крича что-то беззвучное. Чуть дальше мужчина пытался сорвать аварийный рычаг.

Рычаг превратился в тонкую полоску бумаги и рассыпался у него в руках.

Марк добежал до ограждения. Вера стояла у последней двери, за её спиной суетились люди. Она держала в руке отвёртку, которой расцарапала по внутренней стороне стекла: «ПЕТЛИ ПОД ПАНЕЛЬЮ».

— Молодец, — прошептал он. — Хоть один человек в семье действительно учится.

Тая опустилась рядом с ним, прижимая ладонь к разбитому виску. Ревизор исчез, но его шаги продолжали доноситься из воздуха. Мужчина со сломанным носом лежал у колонны, а рации всех охранников одновременно повторяли слово «подтверждено».

— Семь минут, — сказала она. — До исполнения. Не трогай двери. Они теперь часть Акта. Я отменю блокировку на десять секунд в самую последнюю минуту.

— Десять секунд для восьмидесяти трёх человек — мало.

— Без тебя я это заметила. Спасибо за профессиональную экспертизу.

Она посмотрела на лист, который он всё ещё сжимал в руке.

— Откуда у твоего отдела оригинал? У нас лишь рабочая копия. Там имена не открываются до последнего момента.

— Начальница сказала, что Акт уже исполнен. С датой что-то не то.

Тая выхватила бумагу. В нижнем углу, где Марк видел

только номер и печать, проступило бледное примечание:

«Основание составлено по записи от 17.09.2039».

Тая долго смотрела на строку.

— Семнадцать лет назад здесь погиб поезд, — сказала она. — Шестой состав. На четвёртой платформе. Только этого не было. В хрониках написано: катастрофу предотвратили. Я изучала дело, когда получала лицензию.

— Акт говорит, что всё случилось.

— У актов хорошая память. У нас — нет.

Марк повернул лист к свету и заметил нечто, чего раньше не видел.

В списке из восьмидесяти трёх фамилий напротив его имени стояла крошечная серая отметка. Не крестик. Маленькая пустая клетка — как пункт в анкете, который забыли заполнить.

Остальные имена отливали красным. Его — чёрным.

«Синицын Марк Андреевич. Посадка подтверждена: 18:08».

Марк поднял голову.

— В восемнадцать ноль восемь я был в архиве.

— Ты уверен?

— Я тогда закончил инвентаризацию и подписал журнал. Восемнадцать ноль восемь. Серафима Петровна заставляет ставить время вплоть до минуты. Считает, что человечество не заслуживает секунд.

Тая фыркнула, но тут же посерьёзнела.

— Акт иногда вписывает людей заранее. Если человек должен погибнуть, он начинает двигаться к месту исполнения, даже не замечая. Сейчас ты здесь. Скоро можешь оказаться в вагоне — и запись станет правдой.

Марк посмотрел на конверт, на билет, на закрытые двери и понял, как аккуратно всё было устроено.

Ему прислали билет. Его позвали. Его сестра оказалась внутри. Даже Ревизор требовал «вернуться» на смерть.

Кто-то старательно добивался, чтобы ошибка перестала быть ошибкой.

— Значит, меня туда подталкивают.

— Отойди от края, — ответила Тая. — Сейчас.

Марк открыл фотографию на телефоне. Он каждый день снимал подписанный журнал для отчёта о рабочих часах, чтобы бухгалтерия не теряла его надбавку. Фото за сегодня стояло в галерее. Время: 18:08. На странице — его фамилия, подпись, печать отдела и пометка «сверено лично».

Обычная офисная привычка. Та самая, из-за которой Серафима Петровна называла его безнадёжным скупердяем.

Но список Акта утверждал, что в эту же минуту Марк уже находился в вагоне.

— Тая, — сказал он, — а что будет, если в основании ошибка?

Она не сразу ответила.

— Акт должен приостановиться, пока ошибка не рассмотрена. Но подавать возражения может только правщик. Иначе

это не документ, а предсмертная записка.

— Я могу дать тебе снимок.

— Поправка подаётся владельцем обстоятельства, с его собственным свидетельством. Я не могу оспорить твоё присутствие от своего имени. Это не мой факт.

Тая потёрла переносицу.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Не говори. Прекрасно понимаю, что ты думаешь, будто нашёл лазейку. Но без допуска ты ничего не сделаешь.

— Отлично. Это моя специальность.

Марк выдернул из папки лист инвентаризации, который по привычке таскал с собой вместе с документами. На нём был дубликат сегодняшней записи с круглой печатью Управления. Он положил оба листа рядом на каменный парапет.

Бумага из красного конверта шевельнулась.

В воздухе рядом с ним вдруг возник шорох, словно невидимый секретарь переворачивал страницу. Под списком фамилий проступили крошечные слова, которых Тая не заметила:

«ПРИМЕЧАНИЕ К ОСНОВАНИЮ: СВИДЕТЕЛЬ НЕ СОГЛАСОВАН».

Марк замер.

— Ты это видишь? — спросил он.

— Что?

— Под печатью. Слова.

— Там пусто.

Он протянул ей лист. Она посмотрела внимательно, перевернула к свету.

— Ничего.

Слова под её взглядом на секунду исчезли. Когда Марк вернул себе бумагу, они появились снова. Под ними выросла тонкая рамка:

«ЗАЯВИТЕЛЬ: НЕ УКАЗАН».

Марк коснулся рамки пальцем.

От кончика пальца к запястью прошёл мороз. Звуки станции стихли. Прямо на коже проступила чёрная тонкая линия, похожая на след чернил.

«УКАЗАТЬ СВИДЕТЕЛЯ?»

— Что с твоей рукой? — спросила Тая.

Марк не ответил. На листе уже возникло продолжение:

«ПРАВО НА ПОДАЧУ ВОЗРАЖЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО.

ПРОВЕРКА ПРАВОСПОСОБНОСТИ...»

Он хотел остановить это. Дёрнул руку, но пальцы будто прилипли к бумаге. В глазах потемнело. На секунду ему показалось, что он стоит на другой станции — древней, закопчённой, среди разбитых ламп. На соседнем пути лежал детский ботинок. Кто-то надрывался, крича его имя.

Потом видение исчезло.

«ОШИБКА РЕЕСТРА.

ЗАЯВИТЕЛЬ СЧИТАЕТСЯ ИСПОЛНЕННЫМ С 17.09.2039.

ВЫДАЧА ВРЕМЕННОГО ПРАВА НА ВОЗРАЖЕНИЕ: ДОПУСТИМА.

ВНИМАНИЕ: ДАННОЕ ЛИЦО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА СУЩЕСТВОВАТЬ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ».

Марк тихо выругался.

— Что? — спросила Тая.

— У меня, кажется, обнаружили полезную особенность.

На платформе погас свет.

18:41:00.

. . .

Когда часы показали 18:41:01, поезд дёрнулся и медленно поехал вперёд, хотя все тормозные механизмы были заблокированы.

Люди в вагонах запаниковали. Кто-то бросился к дверям, кто-то упал. Последний вагон трясло так, что стекло покрылось тонкими трещинами. Над головами пассажиров, отражаясь в окнах, проплывали красные слова: «ПРИНЯТО К ИСПОЛНЕНИЮ».

— Тая! — крикнул Марк. — Сколько до твоей правки?

— Десять секунд перед блокировкой. Если сработает.

— У меня есть другой способ. Вроде бы.

— «Вроде бы» — фраза, которую я очень не люблю слышать перед смертью.

Он показал ей строку с ошибкой. Тая видела только два

документа и сумасшедшего, который на них смотрел, как на переговорщика с террористами.

— Состав отмечен с восемьюдесятью тремя пассажирами в восемнадцать ноль восемь, — сказал он. — В эту минуту меня там не было. Вот журнал. Зарегистрирован в системе Управления. Запись настоящая. Пусть проверят.

— Кто?

— Тот, кто пишет акты.

И тут снизу послышался размеренный стук.

По рельсам, не торопясь, шёл Ревизор. Пальто волочилось за ним, хотя снизу у него больше не было ног. Газета на лице раскрылась, и на её страницах белели фотографии людей из состава. Лица на снимках закрывали глаза по очереди.

— Синицын, — произнёс он. — Не задерживайте оформление.

Марк заметил, что пальцы на его правой руке начинают покрываться серым, как засохшая бумага. Ревизор не просто угрожал. Он переписывал его в неподвижную вещь.

18:41:19.

Марк взял карандаш из кармана. Это был маленький облезлый карандаш, который он когда-то украл у сестры. На корпусе Вера выцарапала: «НЕ ВЕРНЁШЬ — ПРОКЛЯНУ».

— Ну что, — пробормотал он, — вот и пригодился семейный капитал.

На невидимой строке он написал собственное имя.

Перо карандаша не задело поверхность, но буквы оста-

лись. В рамке появилось:

«УКАЖИТЕ ПРЕДМЕТ ВОЗРАЖЕНИЯ».

Он написал:

«В пассажирской ведомости неверно указан факт моего присутствия в 18:08. Я находился на работе, что подтверждено журналом и печатью. Прошу приостановить исполнение до проверки основания».

Станция вздохнула.

Не люди. Само здание — колонны, стены, рельсы. Как будто огромный зверь вдруг обнаружил, что внутри него кто-то ещё дышит.

«ЗАПРОС ПРИНЯТ.

СВЕРКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРЕДСТАВЛЕНО: 1/2».

Марк вытаращился на текст.

— Да вы издеваетесь.

Ему требовалось второе доказательство.

18:41:28.

— Что? — спросила Тая.

— Бумаги недостаточно. Какому-то чудовищу нужны два экземпляра.

— В Управлении всегда нужны два экземпляра, — мрачно сказала она. — Иначе оно не Управление.

Марк посмотрел на телефон. Фотография журнала, сделанная заранее. Акт мог объявить её подделкой. Для реальности цифровое изображение было лишь изображением. Ну-

жен независимый свидетель.

Он вспомнил ребёнка.

Егор. Жетон с надписью «СВИДЕТЕЛЬ». Штамп дал ему человек с газетным лицом. Подставная фигура в чужом деле. Но жетон настоящий, и у мальчика есть право видеть то, чего не видят другие.

— Егор! — закричал Марк в рацию, вырванную у ближайшего охранника. — Найдите мальчика в школьной куртке! Он ушёл к выходу! Скажите ему, что я всё ещё дружу с ним!

Рация ответила треском. Потом голос охранника:

— Здесь мальчик. Он отказывается уходить. Говорит, вы обещали, что никто не умрёт.

— Я такого не обещал!

Марк услышал: «Я слышу!» — это был Егор. Мальчик забрал рацию.

— Дядя Марк, — сказал он, — у мужчины на лице написано, что вы должны войти в вагон.

— Знаю. А ты видел, как я пришёл на станцию?

— Да.

— Откуда?

— Сверху. Я стоял у лестницы. У вас ещё кофе на штанах.

Марк чуть не рассмеялся. Впервые за этот день пятно на брюках показалось подарком судьбы.

— Скажи вслух, пожалуйста: ты видел меня возле входа после восемнадцати тридцати. Не в поезде.

— А это правда поможет?

— Не знаю. Но если мы выживем, я куплю тебе самое большое мороженое в городе.

— У меня аллергия на молоко.

— Тогда куплю мороженое себе, а тебе денег.

— Договорились.

Марк услышал, как мальчик набирает воздух.

— Я, Егор Молчанов, свидетель! Я видел дядю Марка возле лестницы. Он пришёл с улицы. В поезде его не было!

На листе появилась новая строчка:

«СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОКАЗАНИЕ: ПРИНЯТО.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРЕДСТАВЛЕНО: 2/2.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

Ревизор замер. Затем медленно развернул лицо к Марку.

— Вы не уполномочены, — произнёс он.

Марк сжал карандаш.

— У меня есть бумажка, на которой вы сами написали обратное. Обожаю вашу организацию.

Часы показывали 18:41:53.

Лист обжёг пальцы.

«РЕШЕНИЕ: ВРЕМЕННОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ.

СРОК: 00:00:59.

НУЛЕВАЯ ПОПРАВКА ЗАРЕГИСТРИРОВАНА.

ДОПУСК: 0 → 1.

ОТЛОЖЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: 83».

Время вокруг Марка споткнулось.

Звук колёс вытянулся в долгий металлический вой. В воздухе застыла искра из разбитого фонаря. Поезд остановился поперёк платформы, как фотография в трёх измерениях. Трещины в стекле перестали ползти.

И прямо в это застывшее мгновение посыпались удары — один за другим, изнутри всех дверей.

Люди были живы. И могли двигаться.

— ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ СЕКУНД! — закричал Марк. — ТАЯ, ДВЕРИ!

Правщица увидела неподвижные часы и поняла всё без объяснений.

— ГРУППА! АВАРИЙНАЯ РАЗГРУЗКА! — её голос разнёсся по станции. — НЕ СМОТРЕТЬ НА РЕВИЗОРА! ОН ПОКА НЕ ИМЕЕТ К НАМ ПРЕТЕНЗИЙ!

— И пока! — добавил Марк.

Вера ударила отвёрткой в панель изнутри. Снаружи Тая сорвала облицовку вместе с болтами, которые под её руками вспыхнули серебряной пылью. Потянулся воздух. Слишком холодный для метро — такой холодный бывает в пустом подвале, где давно никто не живёт.

Первая дверь распахнулась.

На платформу повалили люди.

— К краю! — скомандовала Вера. — Сначала дети! Не толкайтесь, здесь проход шире! У кого ноги есть — используйте!

Она помогла девочке с отбитым рукавом куртки пересko-

чить щель между вагоном и платформой, затем повернулась к остальным.

Тая открыла вторую дверь. Мужчина со сломанным носом, оказывается, был жив: он вынырнул из-за колонны с гидравлическим домкратом и принялся выламывать третью.

Марк стоял с документом у края платформы, считая вышедших. Считать пассажиров его обучили хорошо. Это была первая работа, в которой навык казался действительно полезным.

— Двенадцать... двадцать девять... сорок два...

На листе под «ОТЛОЖЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА» красная цифра не менялась.

Пятьдесят девять секунд были подарком, но не прощением.

Марк поднял голову. Ревизор оставался неподвижным на путях, однако газета на его лице продолжала менять текст. Новые строки становились всё крупнее: «ПРОСРОЧКА», «ПРОСРОЧКА», «ПРОСРОЧКА».

— Шестьдесят один! — крикнул Марк.

— У нас ещё двадцать! — ответила Вера из вагона. — Второй салон заблокирован!

— Сколько времени?

— Тридцать секунд!

За дверью между вагонами кто-то бил кулаками по стеклу. Пассажиры не могли пройти. На двери проступил красный крестик.

Марк обернулся к Тае.

— Можешь открыть?

— Если вырву её из Акта, расплатой будет чьё-то будущее. Мне нечего отдавать, кроме очень важного.

— Насколько важного?

Она посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то совсем не похожее на боевой азарт.

— Я ещё надеюсь однажды узнать, как зовут моего сына.

Впервые Марку нечего было сказать в ответ.

За дверью кричали.

Двадцать четыре секунды.

Вера, не дожидаясь их, залезла под сиденье и выдернула пластиковую крышку кабельного короба. Она помнила схему шестой модели — когда-то собирала уменьшенную копию для конкурса. У такой двери не было механической петли. Были два электромагнита и ручной рычаг, спрятанный под полом на случай полного отказа питания.

— Вот же ты, зараза! — закричала она и ударила по рычагу отвёрткой.

Рычаг сорвался. Дверь дёрнулась, но не открылась.

— Марк, справа от двери на панели рычаг-повторитель! Если снаружи подтянешь одновременно — может, пойдёт!

Марк бросил Акт Тае и рванул к створке. Второй рычаг был под металлической крышкой с надписью «НЕ ВСКРЫВАТЬ БЕЗ ДОПУСКА».

— Да, да, — прошептал Марк, выдирая крышку. — Меня

весь день так называют.

Он подхватил конец металлической трубы, валявшейся на полу, засунул в отверстие и навалился всем весом.

Пятнадцать секунд.

Изнутри Вера сделала то же самое.

Металл застонал. Что-то внутри двери лопнуло — не механизм, а чёрная линия текста, словно порвали натянутую печатную строку.

Дверь разошлась на ладонь.

Потом на метр.

Сначала вышла пожилая женщина, потом мальчик с рюкзаком, потом остальные. Марк оттаскивал их за плечи, чтобы не застряли в щели. Человек пятнадцать за десять секунд — на платформе стало тесно, но охрана уже оттаскивала людей по лестнице.

— Вера! — крикнул он.

Она не отвечала.

Марк заглянул внутрь и увидел её в конце вагона. Она держала на руках ребёнка лет трёх, потерявшего сознание. У ног девочки была расстёгнута сумка, из которой вывалились инструменты. Нога Веры застряла под перекосившимся сиденьем.

На табло осталось девять секунд.

— Брось инструменты! — закричал Марк.

— Это не инструменты, это дипломный проект!

— Я куплю тебе новый!

— Ты даже хлеб забываешь купить!

Она попыталась высвободить ногу. Сиденье не поддалось. Малыш на её руках зашевелился.

Пять секунд.

Марк сделал шаг к вагону.

Тая схватила его за воротник так резко, что у него потемнело в глазах.

— Тебе туда нельзя! — выкрикнула она. — Акт ждёт тебя! Если войдёшь, твоё возражение перестанет быть верным!

Он обернулся к ней и понял, что правщица права. Тот, кто писал документ, хотел, чтобы он вошёл. Открыл дверь, спас сестру, стал пассажиром — и позволил приговору исправить собственную ошибку.

Четыре секунды.

— Вера! — крикнул Марк. — Ремень! Сними ремень с сумки!

Её глаза расширились. Она поняла.

Вера выхватила широкий ремень, обмотала его вокруг ножки сиденья и бросила свободный конец к Марку. Он схватил и потянул, упираясь пятками в край платформы. Мужчина с домкратом, не дожидаясь команды, навалился рядом.

Три секунды.

Сиденье приподнялось. Вера рванулась вперёд, удерживая ребёнка одной рукой.

Две.

Она швырнула ребёнка в руки Тае, а сама прыгнула следом.

Одна.

Марк поймал её за запястье. Они оба рухнули на бетон.

И мир снова вспомнил, что должен идти.

. . .

В 18:42:07 поезд сложился.

Не взорвался, не загорелся, не сошёл с рельсов. Он просто стал плоским, как нарисованный на листе бумаги. Все окна разом превратились в белые прямоугольники. Затем кто-то невидимый провёл по нему ластиком, стирая вагоны, колёса, швы и свечение приборов.

Через секунду на путях не осталось ничего.

Даже пыль не осела.

Люди стояли на платформе, шумно дыша, не понимая, как им удалось выбраться из того, чего больше не существовало. Кто-то плакал. Кто-то звонил близким. Пожилая женщина молча потрогала пол под ногами, проверяя, на месте ли реальность.

Марк сидел на бетоне. Вера обнимала его так крепко, что у него хрустели рёбра.

— Ты идиот, — говорила она ему в ухо. — Полный идиот. В следующий раз хотя бы дождись, пока я позову.

— В следующий раз выбирай автобус.

— В автобусе ремни безопасности.

— Именно. Меньше шансов, что ты будешь бегать с отвёрткой по салону.

Он прижал сестру к себе. Её сердце билось быстро и упрямо. Это был лучший звук за весь день.

Над ними возник Ревизор.

Беззвучно. Только воздух пахнул мокрой бумагой.

Его лицо-газета теперь состояло из одного-единственного заголовка: «НЕДОСТАЧА: 83».

— Исполнение временно нарушено, — произнёс он. — Неисполненные обязательства будут взысканы.

Тая встала между ним и Марком. У неё дрожали руки, но голос оставался ровным.

— По какому основанию?

Ревизор медленно склонил голову.

— По первоначальному.

Из его пальто выпала бумага, упавшая Марку на колени. Это было не извещение. Скорее выписка из старого документа, пожелтевшая по краям, хотя чернила на ней ещё блестели.

«АКТ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ № 0001.

Дата составления: 17 сентября 2039 года.

Объект: город Бережск.

Основание: прекращение действия редакции реальности.

Статус: ИСПОЛНЕНО».

Ниже шла строка:

«Свидетель смерти объекта: Синицын Марк Андреевич, девять лет».

Марк прочёл её и вдруг вспомнил детский ботинок, лежащий у рельсов. Красный, с оторванной липучкой.

Он помнил этот ботинок.

И помнил, кому тот принадлежал.

На обороте выписки чернила пришли в движение.

«ЗАЯВИТЕЛЮ ПРИСВОЕН ДОПУСК 1.

ОТКРЫТО ДЕЛО О НЕЗАКОННОМ СУЩЕСТВОВАНИИ.

СРОК ДО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПРАВЛЕНИЯ: 05:17:53».

Тая подняла бумагу и, в отличие от предыдущего примечания, на этот раз увидела написанное. Её лицо стало белым.

— Марк, — тихо сказала она, — откуда у тебя это имя?

— Оно моё.

— Нет. — Она показала на дату. — Девятилетний Марк Синицын погиб в Первом несовпадении. По этому делу вынесли окончательное решение. Я читала его в учебниках. Среди всех погибших он был единственным зарегистрированным свидетелем.

Марк хотел возразить. Сказать что-нибудь про некомпетентность учебников, про скверную работу архивов, про то, что мёртвым людям вообще-то не положено платить налоги за три года.

Но не успел.

На телефонах всех стоявших на платформе одновременно прозвучал короткий сигнал. В городских витринах, на транспортных табло, на часах, в меню автоматов — везде появились одинаковые чёрные буквы:

«УВЕДОМЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЮ.

ПОДТВЕРЖДЕНО: ГОРОД БЕРЕЖСК БЫЛ СПИСАН 17.09.2039.

В СВЯЗИ С ВЫЯВЛЕННЫМ НЕСООТВЕТСТВИЕМ НАЧАТА ПОВТОРНАЯ СВЕРКА.

ДО ПОЛНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ОСТАЛОСЬ 05:17:52».

Вера подняла голову.

— Марк... Что это значит?

Он смотрел на красный конверт. На нём больше не было его фамилии. Адресатом значился весь город.

Внизу красовалась подпись, которую Марк узнал мгновенно. Он сам выводил её тысячи раз в журналах своего отдела.

«Исполнение разрешено. М. А. Синицын».

И вот теперь он по-настоящему испугался.

Не потому, что документ предписывал смерть городу.

А потому, что подпись была поставлена завтрашней датой.

Глава вторая
Чужие долги

Первым делом Марк проверил, не ошибся ли с датой.

Телефон показывал сегодняшний день. Газетное лицо Ревизора тоже. Только подпись под разрешением уничтожить Бережск была поставлена завтрашним числом.

Марк перевернул конверт, поднёс к свету, потёр ногтем чернила. Подпись не размазалась. Конечно. Для подделки она была слишком аккуратной, а для настоящей — слишком похожей на его собственную.

— Это не я, — сказал он.

— Пока, — ответила Тая.

Ему не понравилось это слово. Особенно после того, как на экране станционных часов появилась обратная последовательность цифр: 05:17:31. Теперь весь город мог наблюдать, сколько ему осталось жить. Отличный способ бороться с опозданиями.

Вера отцепилась от брата, отползла на полметра и осмотрела свою застрявшую в поезде ногу. На щиколотке распухала багровая полоса.

— Если это опять твоя идея поздравить меня с поступлением, — сказала она, — то в следующий раз обойдёмся открыткой.

— Ты поступила?

— Испытание перенесли. Подозреваю, из-за чрезвычайной ситуации с общественным транспортом.

Она попыталась подняться. Марк подхватил её под локоть. Вера оттолкнула его руку — не из гордости, а потому, что хотела держать отвёртку. Из инструмента уцелела одна, самая любимая: короткая, со стёртой синей рукояткой.

На платформе считали пассажиров. Охрана выстраивала спасённых в две шеренги, укладывала пострадавших на носилки, раздавала прозрачные браслеты с зелёным квадратом. Медики старались не смотреть на рельсы, где минуту назад был поезд.

— Восемьдесят два, — произнёс мужчина со сломанным носом.

Марк поднял голову.

— Что?

— Восемьдесят два человека из вагонов. Проверили дважды. По списку должно быть восемьдесят три.

— Один лишний — это я. Меня вписали, но я не ехал.

— Тогда всё сходится, — пробормотал мужчина.

Марк посмотрел на выписку, которая по-прежнему лежала у него на коленях.

«ОТЛОЖЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: 83».

— Нет, — сказал он. — Совсем не сходится.

Выписка нагрелась. Между строками проступили крошечные буквы, видимые только ему.

«ЛИЧНЫЙ КАБИНЕТ ЗАЯВИТЕЛЯ.

ДОПУСК: 1.

ДОСТУПНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОЗНАКОМЛЕНИЕ, ВОЗРАЖЕНИЕ ПО ФАКТУ, ЗАПРОС РЕКВИЗИТА.

ДОСТУПНЫЕ ПРАВА НА СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ: НЕ УСТАНОВЛЕНЫ.

ВЗЫСКАНИЕ: 83 ЕДИНИЦЫ НЕИСПОЛНЕННОЙ СМЕРТИ».

Он перечитал последнюю строку.

— Тая, как обычно взыскивают неисполненную смерть?

— Никак. Это не экономическая категория.

— Вот и мне казалось, что я не оформлял кредит.

Он показал ей лист. Тая видела только общий счётчик. Зато цифра восемьдесят три была написана достаточно крупно, чтобы ей стало не по себе.

— Отойди от спасённых, — сказала она.

— Почему?

— Потому что ты не остановил Акт, Марк. Ты оспорил один факт. Когда срок приостановления истёк, поезд исполнили без пассажиров. Системе всё ещё недостаёт восьмидесяти трёх смертей. Она выставит требование тому, кто подал возражение.

— То есть мне.

— То есть тебе.

— А я уж начал думать, что сегодня обойдётся без премии.

Первые три браслета на руках пассажиров почернели.

Пожилая женщина, которая только что ощупывала платформу, застыла с открытым ртом. Её лицо осунулось, будто за секунду прошло много лет. Рядом молодой парень схватился за горло. Третий — мужчина в форме пекаря — вдруг пошёл назад к краю платформы, не сгибая колен.

Из громкоговорителей раздался тихий, учтивый голос:

— Граждане, в отношении вас начата процедура погашения задолженности. Просим сохранять спокойствие. Ваше участие обязательно.

Тая взмахнула рукой. Серебристая линия легла поперёк платформы, не пуская пекаря к рельсам. Он ударился о неё грудью и упал. На рукаве Беловой выступил пепел.

— Откат по личности, — выдохнула она. — Три пробных взыскания. Следующая волна заберёт всех.

Марк посмотрел на три почерневших браслета. На каждом вместо фамилии проступило одно и то же слово: «ПОДЛЕЖИТ».

— Их только что спасли, — сказал он.

— Система не признаёт «спасли». У неё есть «исполнено» и «не исполнено».

— Потрясающе. Даже на том свете нужно сдавать отчёт.

В этот момент он увидел Егора. Мальчик стоял возле лестницы и прижимал к груди бумажный жетон. Его не касались ни чёрные браслеты, ни пыль, летевшая от серебряной линии. Он смотрел не на спасённых. Он смотрел туда, где ми-

нуту назад исчез Ревизор.

— Дядя Марк, — тихо сказал Егор, когда тот подошёл. — У мужчины теперь есть помощники.

— Сколько?

— Столько, сколько вы не успели умереть.

Марк зажмурился.

— Буду считать, что вопрос был риторическим.

Из тёмного тоннеля потянуло мокрой шерстью и металлической пылью. По рельсам кто-то шёл, размеренно постукивая чем-то тяжёлым. Не один человек. Много.

На электронном табло над платформой появилась надпись:

«ПЕРВАЯ ПАРТИЯ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ. ПРИБЫТИЕ ЧЕРЕЗ 00:02:00».

Марк посмотрел на Таю.

— Мы можем просто уйти?

— Только если ты хочешь оставить им восемьдесят два тела. И своё в придачу.

— Нет, — ответил Марк. — Это очень плохие условия.

. . .

Старший прибывшей группы представился полковником Платоновым. На вид ему было лет пятьдесят, но глаза у него были такие усталые, будто каждое утро он сам выбирал, какой год сегодня наступит. На рукаве бронепальто белел знак

Управления: две параллельные черты, соединённые третьей, перечёркнутой.

Полковник не спросил, кто спас пассажиров. Не осмотрел платформу и даже не выразил удивления по поводу исчезнувшего поезда. Он сразу подошёл к Марку.

— Синицын?

— Да.

— Передайте Акт и пройдите со мной.

— Обычно после такого предложения хотя бы показывают удостоверение.

Платонов достал прямоугольную карточку. На ней было написано: «ПОКАЗЫВАТЬ ПО ТРЕБОВАНИЮ». Фотографии не было.

— Убедительно, — сказал Марк. — Подделать, должно быть, невозможно.

Полковник перевёл взгляд на Таю.

— Белова, вы действовали без согласования. Четыре правщика, сорванное исполнение, незарегистрированный заявитель. Это дисциплинарное нарушение высшего класса.

— Пассажиры живы, — сказала она.

— Ваша трактовка слишком оптимистична.

Слово «оптимистична» Платонов произнёс с таким отвращением, словно речь шла о заразной болезни.

Вслед за ним появились санитарные автобусы, белые и без окон в задней части. Они ехали по служебному проезду станции, где никогда не было места для транспорта. Спасённых

выводили к ним организованно. Медики застёгивали на запястьях зелёные браслеты, а люди благодарили за помощь.

Вера наблюдала за одним из автобусов, прикусив губу.

— Это не медицинский транспорт, — сказала она.

— По какому признаку? — спросил Марк.

— У него нет запасного выхода. И выхлопной трубы.

— Экологичный, — заметил брат.

— У него вообще нет двигателя. Смотри на колёса. Они не вращаются.

Белый автобус действительно медленно катился вдоль платформы, хотя рисунок грязи на покрышках не менялся.

Платонов заметил, куда они смотрят.

— Транспорт до пункта временного размещения. Государство заботится о пострадавших.

— А пункт где? — спросил Марк.

— На территории закрытого комплекса.

— Адрес?

— Служебная информация.

— Я же сотрудник.

— И потому знаете, сколько проблем возникает от лишней информации.

Полковник протянул руку к красному конверту.

— Передайте документ, Синицын. У вас было достаточно времени, чтобы устроить неприятности. Теперь ситуацию исправят специалисты.

— Специалисты уже были. Один пытался меня разрезать

газетой.

— Это не специалист. Это контроль качества.

Тая положила ладонь Марку на плечо, не сводя глаз с полковника.

— В акте открыто дело о незаконном существовании, — сказала она. — Силовое изъятие заявителя запрещено до истечения срока проверки. Вы это знаете.

Полковник улыбнулся ей впервые.

— Разумеется. Поэтому я и предлагаю добровольно.

Вера тем временем шагнула к одной из медсестёр.

— А можно мне браслет? Я тоже пассажирка.

— Конечно, — отозвалась женщина. — Назовите фамилию.

— Синицына.

Медсестра напряглась на долю секунды. Совсем немного, но Марк успел заметить.

— Имя?

— Вера.

Медсестра повернула планшет, затем быстро погасила экран.

— У вас уже оформлена посадка. Проходите к автобусу.

Вера протянула руку. Прежде чем браслет защёлкнулся, она подсунула под него кончик отвёртки. Пластик заскрипел и остался раскрытым. Медсестра не заметила.

Марк заглянул в промежуток между зелёной полосой и её кожей. На внутренней стороне пластика были выбиты кро-

шечные буквы.

«МАРШРУТ 6. ПОВТОРНАЯ ПОСАДКА. ПЛАТФОРМА 4. 18:42».

Браслет был билетом обратно в поезд, которого больше не существовало.

— Тая, — сказал он очень тихо. — Они возвращают людей в ведомость.

— Я вижу.

— Что будем делать?

Тая посмотрела на два автобуса, в которые уже завели больше сорока человек, и на полковника с невозмутимым лицом.

— Я могу сломать одну дверь, — ответила она. — Две, если отдам что-нибудь дорогое. А у них четыре автобуса и целая группа.

Платонов наклонился к Марку.

— Синицын, последняя просьба. Не заставляйте делать то, что закон и без того позволяет.

Из туннеля донёсся первый удар печати по металлу.

— Знаете, что мне нравится в этой работе? — спросил Марк.

— Просветите.

— Все здесь так часто произносят слово «закон», что никто не проверяет, к чему оно относится.

Он достал документ, который вытащил из красного конверта. На полях всё ещё можно было видеть строки, невиди-

мые другим.

«ЗАПРОС РЕКВИЗИТА».

Марк приложил палец к заголовку транспортной ведомости на планшете медсестры, который Тая успела выхватить у неё из рук. Чёрная линия на его запястье дрогнула.

«УКАЖИТЕ РЕКВИЗИТ».

— Пункт назначения, — прошептал он.

Буквы раскрылись над планшетом, как маленькая бухгалтерская занавеска.

«ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ: СТАНЦИЯ „ЛИТЕЙНАЯ“, ПЛАТФОРМА 4.

ДАТА ПРИБЫТИЯ: СЕГОДНЯ.

ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 18:42:07.

ПОСАДКА: ПОДТВЕРЖДЕНА.

ПЕРЕВОЗИМЫЕ: НЕ ПОДЛЕЖАТ ДОСТАВКЕ ЖИВЫМИ».

Марк почувствовал запах сырой типографской краски. Его палец прилип к стеклу.

«ЗАПРОС РЕКВИЗИТА ИСПОЛЬЗОВАН.

ПОВТОРНЫЙ ДОСТУП: ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА».

— Что ты сделал? — спросила Тая.

— Прочёл мелкий шрифт. Самое опасное умение в государстве.

Полковник вдруг перестал улыбаться.

— Уберите руки от документа.

— Вы сказали, что они едут в пункт размещения, — сказал Марк. — Но пункт назначения — место их смерти. Вы называете это эвакуацией?

— Не мешайте исполнению обязательств.

— А если я оформлю жалобу?

Платонов посмотрел на него как на человека, который решил тушить пожар кипятком.

— Вам нужно доказательство, заявитель. Не подозрение. Доказательство.

Марк повернулся к Вере. Она уже вынула браслет из-под отвёртки и держала его раскрытым на ладони. Под зелёным пластиком теперь проступало слово «СПИСАН».

— Вот первое, — сказал Марк.

. . .

Второе доказательство оказалось самым трудным.

Транспортная ведомость была связана с другим Актом. В нём значилось, что все пассажиры дали согласие на повторную посадку. Рядом с каждым именем стояла подпись. Некоторые были небрежными, некоторые дрожащими, но все — несомненно подлинными.

— Это они сами подписали? — спросил Марк.

— Подпишут, — сказал Платонов. — В рамках процедуры.

— Они ещё не знают, что существуют такие рамки.

— Знание необязательно для действительности согласия. Оно обязательно лишь для его понимания.

Марк неожиданно узнал фразу. Так Серафима Петровна объясняла новичкам, почему нельзя открывать красные извещения. Только произносила она это с совсем другой интонацией.

Автобус возле первой колонны захлопнул двери. Внутри стояли двенадцать пассажиров, а над головами у них уже горели красные слова. Водитель сидел спиной к лобовому стеклу. Когда транспорт начал двигаться, его тело осталось неподвижным.

Марк бросился следом. Полковник схватил его за рукав, но Тая встала между ними.

— Соглашение о ненасилии действует до завершения проверки, — сказала она, вычерчивая в воздухе серебряную линию. — Это я могу подтвердить по уставу.

— Вы потеряете категорию, Белова.

— Если вы правы, категории скоро не будет ни у кого.

Вера, хромая, догнала Марка у передней двери автобуса.

— Я могу вскрыть эту штуку.

— Сможешь?

— Если у неё есть петли, мотор или кто-то с плохим характером — смогу.

Она ударила отвёрткой по белому кузову. Металл издал звук толстого картона. На месте царапины появились буквы: «ПОВТОРНАЯ ПОСАДКА НЕИЗБЕЖНА».

— Отлично, — сказала Вера. — У неё плохой характер.

Автобус продолжал медленно двигаться. Его двери не открывались, несмотря на удары изнутри. Колёса не вращались. Люди за стёклами смотрели на Марка, а он видел, как их лица становятся похожими на плохие копии: сначала бледнеют губы, затем пропадают родинки и морщины, потом исчезает выражение глаз.

Ведомость, которую держал Марк, выдала новое предложение:

«ОСПОРИТЬ СОГЛАСИЕ? ПРЕДСТАВЬТЕ ДВА НЕЗАВИСИМЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОТКАЗА».

— Они могут сказать, что не согласны! — крикнул он пассажирам.

Те не слышали. Изнутри стучали в стекло, но автобус не пропускал звук наружу.

Марк поднёс телефон к щели у резинового уплотнителя двери и позвонил Вере.

— Ты звонишь мне, когда я рядом? — удивилась она.

— Поднеси телефон к кузову.

Она послушалась. Связь зашипела, на экране высветилось: «Абонент находится в пути». Потом откуда-то изнутри автобуса донёсся знакомый женский голос.

— Алло?

Вера вздрогнула.

— Мам?

Марк замер.

Их мать умерла двенадцать лет назад. От вполне человеческой болезни, с больницей, счетами и свидетельством о смерти. Это была одна из немногих вещей в жизни Марка, в которых он никогда не сомневался.

— Не садись в поезд, Верочка, — сказал голос. — Ты же обещала слушаться.

Вера закрыла глаза и отдёрнула телефон. На её лице появилось выражение маленькой девочки, которую разбудили после дурного сна.

— Это не она, — произнесла Тая, оказавшись рядом. — Транспорт показывает человеку того, кто способен добиться его согласия. Не отвечайте.

Голос матери стал совсем ласковым:

— Марк, ты опять оставил сестру одну.

Слова ударили точнее, чем все бумажные ленты Ревизора.

Марк помнил последний день в больнице. Как мать взяла его за руку, попросила позаботиться о Вере, а он подумал не о смерти, а о том, что у него завтра контрольная и он совершенно не готов. Ему до сих пор было стыдно.

— Ты никогда не была такой многословной, — сказал он автобусу. — Даже когда я разбил окно на кухне.

Голос стих.

Из салона раздалось новое, совсем тихое:

— Пожалуйста, откройте.

Не призрак. Живой человек. Мужчина из первой шеренги прижался лбом к стеклу, держа на руках девочку с отби-

тым рукавом куртки. Ту самую, которую Вера вытащила из состава.

— Я не согласен! — сумел он выкрикнуть. — Нас никто не спрашивал!

На листе моргнуло:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТКАЗА: 1/2».

— Ещё один! — закричал Марк. — Скажите, что не хотите ехать!

Пассажиры открывали рты, но звука больше не было. Белые панели автобуса затянулись плотным слоем текста. Каждая строчка гласила: «СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО».

Тая ударила ладонью по двери, и серебряная полоса прорезала первый слой надписей. По её лицу прошла судорога. Она отступила и вдруг уставилась на собственную руку, будто не узнала её.

— Не делай этого, — сказал Марк.

— Я помню, что мне было четырнадцать, — сказала она. — Но больше не помню, как звали отца. Мелочь. Ещё можно.

— Не мелочь.

Автобус подкатился к тёмному проёму тоннеля. До него оставалось десять шагов.

Вера провела отвёрткой между рамой и дверью. Инструмент загнулся. Она посмотрела на Марка, потом на бумажную ведомость, которую он держал, и вдруг громко выругалась.

— Ты разговариваешь с автобусом, как с человеком. А он ведь документ.

— Это уже выяснили. Очень неприятный документ.

— Значит, у него есть тот, кто его оформил. Попроси подпись водителя!

Марк взглянул на кабину. Человек за рулём даже не дышал.

«ЗАПРОС РЕКВИЗИТА: НЕДОСТУПЕН».

Он больше не мог запросить ничего, пока не установит факт. Но в его собственной ведомости имелось поле «свидетель». И если Тая права, акт считает подписи подлинными, потому что они будут поставлены позже.

Марк сорвал с рукава куртки служебный бейдж и поднёс к стеклу.

— Отдел невручённых извещений, — отчеканил он, неожиданно вспомнив все неприятные утренние инструктажи Серафимы Петровны. — Согласие действительно только после вручения уведомления. Покажите расписку о вручении.

Буквы на автобусе дрогнули.

— Расписку, — повторил он. — С фамилией сотрудника, датой и временем. По форме сорок девять. Я три года сортирую эту дрянь. Вы не сможете сделать вид, что она не существует.

На секунду в стекле проступила серая таблица. В ней было двенадцать фамилий и двенадцать пустых клеток.

«УВЕДОМЛЕНИЯ О СОГЛАСИИ: НЕ ВРУЧЕНЫ».

Это не было вторым отказом. Но это было доказательством того, что отказа никто не спрашивал.

«ФАКТ УСТАНОВЛЕН: ОТСУТСТВИЕ ВРУЧЕНИЯ.

ПРАВО НА ЗАПРОС РЕКВИЗИТА ВОССТАНОВЛЕНО».

Марк едва не рассмеялся. Ему впервые в жизни помогло то, что он правильно заполнял унылые графы.

— Предъявите отправителя, — сказал он.

В лобовом стекле автобуса появилась чёрная печать.

«ОТПРАВИТЕЛЬ: ОТДЕЛ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО СПИСАНИЯ.

ОПЕРАТОР: ПЛАТОНОВ О. Г.

ВРЕМЯ ПОДПИСАНИЯ: 19:06».

Марк посмотрел на часы: 18:54.

Согласие, которое полковник предъявлял как уже существующее, было отправлено из будущего. И ещё не вручено.

— Олег Геннадьевич! — крикнул Марк.

Платонов стоял в нескольких метрах и наблюдал. На его лице появилось то самое усталое выражение, которое бывает у начальника, когда подчинённый неожиданно прочитал трудовой договор.

— Ваш приказ подписан через двенадцать минут, — сказал Марк. — А люди отказываются сейчас. Вы уверены, что хотите, чтобы я оформил противоречие?

Платонов медленно вынул из кармана ручку.

— Ты не знаешь, сколько стоит правильный ответ, мальчик.

И подписал воздух.

На секунду Марку показалось, что полковник просто нарисовал в воздухе галочку.

Потом галочка стала дверью.

Чёрный прямоугольник опустился между Платоновым и автобусом. Стёкла транспорта потемнели. По платформе пронёсся ветер, хотя все вентиляционные установки давно остановили. Марк услышал короткий хруст: это на экране его телефона одна за другой появились двенадцать подписей пассажиров. Каждая была сделана почерком человека, которому принадлежала.

— Предварительное подтверждение, — объяснил Платонов. — Да, это дорогая процедура. Но я готов оплатить её лично.

На виске полковника проступила седая прядь. У него изо рта потекла кровь. Ни голос, ни руки не дрогнули.

Автобус рванулся к тоннелю.

Вера бросилась наперерез. Марк успел поймать её за куртку за мгновение до того, как белый нос транспорта проехал через край платформы, будто ступенек там не существовало. В кузове открылось одно узкое окно. Через него пахнуло холодной землёй.

Мужчина внутри по-прежнему кричал, но его слова теперь превращались в серые буквы, которые прилипали к

стеклу. Буквы «НЕ СОГЛАСЕН» исчезали одна за другой под плотным слоем «СОГЛАСЕН».

Марк посмотрел на ведомость.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТКАЗА: 1/2».

— Второй нужен сейчас, — сказал он.

— Вижу, — отозвалась Вера. — Я ещё не совсем ослепла от твоих планов.

В открывшемся окне виднелась девочка с разорванным рукавом. Она не кричала. Держась одной рукой за край стекла, другой с удивительным сосредоточением выводила буквы на запотевшей поверхности.

«НЕ НАДО».

Кто-то попытался оторвать её от окна. Девочка вцепилась пальцами в резину и написала ещё одно слово.

«ДОМОЙ».

Марк приложил ведомость к стеклу. Строки на листе вздрогнули, словно кто-то задел натянутые струны.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТКАЗА: 2/2.

ПОДТВЕРЖДЕНО: НЕЗАВИСИМЫЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ.

ПРОТИВОРЕЧИЕ: СОГЛАСИЕ БЕЗ УВЕДОМЛЕНИЯ.

РЕШЕНИЕ: ПРИОСТАНОВИТЬ ДОСТАВКУ ПО МАРШРУТУ».

Дверь автобуса распахнулась, и он наконец поддался физике. Сначала дёрнулся, потом с ужасным скрежетом встал боком. Марк схватил девочку и буквально выдернул её на-

ружу. Вера упала рядом с ней, потянув за собой мужчину. Остальные пассажиры высыпали на платформу, некоторые ползком. Водитель за рулём медленно повернулся.

У него не было лица. Вместо него в чёрном проёме светились две печати.

— Взыскание передано следующему исполнителю, — произнёс он.

Марк уже видел такие печати на лице Ревизора. Только этот был меньше. Намного меньше.

— Это его водитель? — спросила Вера.

— Судя по лицу, да. Вообще у них проблемы с кадрами.

Автобус сложился дверью внутрь и исчез. Двенадцать человек остались на бетоне, оглушённые и живые. На зелёных браслетах загорелось слово «ОТКАЗ». Однако красный счётчик на бумаге Марка уменьшился всего на одну единицу.

«ОТЛОЖЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: 82».

— Почему одна? — спросил он. — Я спас двенадцать!

Тая опустилась рядом с ним на одно колено. Серебряные линии на её знаке потускнели.

— Потому что двенадцать человек получили один общий отказ от доставки. Но их смерти никуда не делись. Ты только уничтожил один из способов их взыскать.

Марк выругался, теперь уже без всякого остроумия.

Из тоннеля послышался стук печати. Затем второй. Третий. И ещё несколько. Чёрные силуэты в длинных служеб-

ных плащах проступили между рельсами. Их головы были обвязаны белыми лентами, а вместо кистей висели тяжёлые металлические штампы.

— Сборщики, — сказала Тая. — Вот теперь они пришли за просрочкой.

Платонов посмотрел на их приближение и нахмурился впервые по-настоящему.

— Они не должны были появиться до полуночи.

— Выберите место для жалобы, — сказал Марк. — У нас есть целый город.

Третий автобус уже исчез за углом служебного тоннеля. За ним ушёл четвёртый. Из восьмидесяти двух спасённых двенадцать стояли рядом с Марком, шестьдесят девять ехали навстречу повторной смерти, и ещё одна — его сестра — упрямо сжимала отвёртку так, словно собиралась разобрать весь мир на винтики.

Сборщики ступили на платформу.

Каждый раз, когда один из них ударял штампом по полу, на плитке вспыхивало имя. У первого мужчины, который попытался убежать, имя загорелось прямо на груди. Он вскрикнул, согнулся и исчез из-под собственной одежды. Куртка осела пустым мешком.

«ОТЛОЖЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: 81».

Марк застыл.

Только что был живой человек. Человек, который пережил поезд. Его, кажется, звали Денисом; по дороге из вагонов он всё время спрашивал, где его телефон. И теперь от него осталась куртка на полу.

— Стойте! — крикнул Марк.

Сборщик повернул к нему голову. На ткани у него вместо глаз было напечатано: «НЕВОЗМОЖНО».

Марк шагнул вперёд.

— Это не он задолжал. Я подал возражение. Требование ко мне!

Сборщик ударил штампом.

Плитка под ногами Марка треснула. На ней появилось его полное имя.

— Марк! — вскрикнула Вера.

Тая выбросила руку, пытаясь провести границу между ним и печатью, но серебро не появилось. Вместо него она закашлялась и сжала пальцы в кулак.

— Не могу, — сказала она с яростью. — Уже нечем платить.

На листе Марка всплыла новая строка.

«ПОГАСИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ЗА СЧЁТ ЗАЯВИТЕЛЯ?

ЦЕНА: ОДНА ПОДТВЕРЖДЁННАЯ СМЕРТЬ».

Он увидел две пустые клетки: «ПРИНЯТЬ» и «ОТКАЗАТЬСЯ».

Если принять, Сборщики уйдут. Возможно. Если отказаться, они продолжат забирать людей. И страшнее всего было то, что с таким выбором не требовалось никакой специальной подготовки. Достаточно одного человека, который успеет испугаться.

Вера схватила Марка за запястье.

— Не смей, — сказала она. — Не смей даже думать.

— Ты не знаешь, о чём я думаю.

— Когда ты думаешь о себе плохо, у тебя всегда одинаковое лицо. Как будто опять забыл купить хлеб.

Их разговор прервал сухой стук.

Сборщик поднял руку над девочкой, написавшей на стекле «ДОМОЙ».

Марк инстинктивно заслонил её. Удар пришёлся ему по плечу. Не было боли. Просто на секунду исчезло ощущение собственного тела. Он увидел себя со стороны — высокого, испуганного, с пятном кофе на штанине. Над его головой висела пометка:

«НЕЗАКОННО СУЩЕСТВУЕТ. ОСНОВАНИЕ: НЕ ПРОВЕРЕНО».

Рядом с пометкой кто-то оставил пустое поле.

«ПОЛУЧАТЕЛЬ ВЗЫСКАНИЯ: ...».

Марк понял, что это не приговор. Это конверт. Сборщик пытался вручить смерть человеку, чьего имени в законном реестре не существовало.

И прежде чем испуг успел убедить его в обратном, он сказал:

— Извините. Адресат не установлен.

Печать остановилась в сантиметре от его лица.

— Предъявите подтверждение получения, — добавил Марк. — Лично от Синицына Марка Андреевича. Действительного гражданина. Не вашего фиктивного пассажира.

«ПОЛУЧАТЕЛЬ ВЗЫСКАНИЯ: НЕ УСТАНОВЛЕН».

Затем — новое, гораздо более неприятное:

«ВОЗВРАТ ОТПРАВЛЕНИЯ НЕВОЗМОЖЕН.

УКАЖИТЕ МЕСТО ХРАНЕНИЯ НЕВРУЧЁННОГО».

Марк едва не засмеялся. На мгновение он снова сидел в своём кабинете перед кипой писем, каждое из которых начальница велела сначала правильно пронумеровать.

— Управление непротиворечивости, — ответил он. — Отдел невручённых извещений. Корпус Б, третий этаж. Можете записать на моё имя.

Печать заискрилась.

«МЕСТО ХРАНЕНИЯ ПРИНЯТО.

ДОСТАВКА ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ.

ВНИМАНИЕ: ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОГАШЕНИЕМ».

Все Сборщики разом замерли.

Потом повернулись к северу — в сторону здания Управления — и зашагали прочь. Не на лестницу, а сквозь стены. От их плащей на мраморе остались ровные прямоугольные пятна.

Весь город на три секунды ощутил дрожь. Далеко за пределами станции в окнах некоторых домов погас свет. На красном документе появилось:

«ДЕЛО ПЕРЕДАНО НА ВРЕМЕННОЕ ХРАНЕНИЕ.

ЕДИНИЦЫ ВЗЫСКАНИЯ: 81.

ВРЕМЯ ДО ПОВТОРНОГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ: 00:47:59».

Сорок восемь минут. Он купил сорок восемь минут, а не спасение.

И заплатил чужой жизнью, которую вернуть не мог.

Полковник Платонов смотрел на него, уже не скрывая изумления.

— Ты только что направил восемьдесят одну невручённую смерть в гражданское хранилище, — произнёс он.

— Точно.

— Там работают люди.

— Я тоже там работаю.

— Ты не понимаешь. Теперь дело будет искать получателя среди всех, кто имеет доступ к отделу.

Марк почувствовал, как холодеет живот.

Серафима Петровна.

Его коллеги из ночной смены.

Те, кто всю жизнь сортировал чужие беды, даже не открывая конвертов.

— Поэтому, — продолжил Платонов, — у тебя ровно сорок восемь минут, чтобы добраться туда раньше взыскания.

— Вы могли это сказать до того, как я назвал адрес.

— Мог. Но тогда ты не послушался бы.

Он повернулся к своим людям.

— Перекрыть входы, вывезти оставшихся пассажиров на открытую площадку и никого не пускать к северному корпусу. Белова, вы идёте с ним.

Тая медленно подняла голову.

— Вы отдаёте мне приказ помогать незарегистрированному заявителю?

— Я отдаю приказ устранить угрозу. Если бы мне платили за последовательность, я давно бы уволился.

Марк заметил, что кровь на губах полковника почернела.

— А автобусы? — спросил он. — Куда они увезли остальных?

Платонов посмотрел в сторону исчезнувшего служебного тоннеля.

— Туда, где закончат первоначальный Акт. Я не знаю, где это место находится физически. Но знаю, у кого хранится адрес.

— У кого?

— У женщины, которая дала тебе работу.

. . .

Из метро они вышли через служебный переход. На улицах Бережска происходило то, что обычно называют паникой, когда ещё хочется использовать приличное слово.

Рекламные щиты показывали городское объявление о предстоящем списании. На одном из них каждые пять секунд менялся перечень районов. Жители звонили родственникам, собирали документы, бросали машины посреди дорог. Полиция организовала оцепления, но документы у сотрудников вдруг начали утверждать, что улиц, которые они охраняли,

никогда не существовало.

На остановке мужчина кричал в телефон:

— Я тебе объясняю, Зоя, наш дом удаляют! Не сносят! Удаляют! Куда ехать? Да не знаю я, какой тут у нас запасной город!

Сверху медленно падал снег.

В октябре, при плюсовой температуре. Снежинки таяли, не долетая до земли, оставляя в воздухе серые точки, похожие на следы от карандашного ластика.

Тая отвернулась от них.

— Ты правда больше не видишь первый снег? — спросил Марк.

— Вижу снег. Но больше никогда не узнаю, какой был первым. Моё детство теперь начинается позже.

— Прости.

— Я сделала выбор. Постарайся, чтобы он не оказался напрасным.

Они шли быстро. Вера прихрамывала, но от помощи отказалась окончательно. Егор держался с другой стороны Марка и по-прежнему прижимал к груди жетон. С каждой минутой мальчик становился бледнее.

— Где твои родители? — спросила Вера.

— Мама поехала домой, — ответил он.

— На каком автобусе?

Егор опустил голову.

— Я не знаю. На тех автобусах не было номеров. Только

фамилии.

Марк остановился.

— Почему ты не сказал раньше?

— Я думал, вы уже знаете. Ведь вы всё время читаете буквы, которых больше никто не видит.

У Марка не нашлось ответа.

В конце квартала раздался вой сирены. На фасаде жилого дома внезапно исчезли окна четвёртого этажа. Люди на улице закричали. Ещё через секунду этаж появился снова, но все квартиры на нём оказались пустыми, будто жильцы никогда там не жили.

«ПРОБНАЯ СВЕРКА», — прошелестело из открытого окна аптеки.

— Это началось по всему городу, — сказала Тая. — Акт проверяет, какие части Бережска легче всего исключить без противоречий. До полуночи он составит чистую версию, в которой нас нет.

Марк смотрел на исчезнувшие окна и вдруг вспомнил голос из отключённого телефона: «Пожалуйста, больше не опаздывайте. Это может спасти слишком многих».

— Тая. Если бы я не подал возражение, город бы остался?

Она не ответила сразу.

— Возможно. И восемьдесят три человека погибли бы вместо него.

— То есть я выбирал не между смертью сестры и её спасением.

— Нет. Ты выбирал, не зная правил.

— Прекрасная игра.

— Это не игра.

— Тогда почему проигрыш мне объясняют после хода?

Они свернули во двор Управления. Здание корпуса Б выглядело по-прежнему: жёлтая штукатурка, узкие окна, металлическая лестница. Только на третьем этаже, где находился их отдел, все окна оказались заколочены изнутри досками. А на двери появился красный лист.

«ОБЪЕКТ ПРИНЯТ НА ВРЕМЕННОЕ ХРАНЕНИЕ.

СОДЕРЖИМОЕ: 81 НЕИСПОЛНЕННОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ХРАНИТЕЛЬ: СЕРАФИМА ПЕТРОВНА ...».

Фамилия начальницы была залита чёрными чернилами.

Марк потянулся к ручке. Та оказалась горячей.

Вера удержала его.

— Сначала проверим, кто внутри.

— Ты же не собираешься звонить?

— А что? Будет неловко, если там убийцы и они не одеты для гостей.

Она просунула отвёртку под декоративную пластину у косяка. Через несколько секунд замок щёлкнул, и в коридоре за дверью загорелась одна лампа. Их встретил запах кофе, старой бумаги и чего-то горького, похожего на грозу.

— Я просила не спасать мир, — произнесла из темноты

Серафима Петровна.

Марк с облегчением выдохнул. Начальница стояла возле своего стола, прямая, как всегда. Только теперь на ней был не серый кардиган, а узкий чёрный жилет с серебряной застёжкой у горла. На груди висел знак, которого Марк раньше не видел: круг, перечёркнутый тонким нулём.

— Не мог удержаться, — сказал он. — Сначала помешал собственной смерти, потом всё стало как-то неловко.

— Вы привели взыскание ко мне домой.

— Это же не дом. Это работа.

— После тридцати лет службы разницы не замечаешь.

Серафима Петровна заперла за ними дверь. За стеной прошелестели сотни конвертов, хотя на столах лежали всего две папки.

— Сорок одна минута, — сказала она, не глядя на часы. — Хорошо, что пришли. Плохо, что не одни.

Она посмотрела на Егора.

Мальчик тоже узнал её. Его лицо вдруг стало совсем неподвижным.

— Вы тогда сказали, что мама вернётся, — произнёс он.

Серафима закрыла глаза.

— Я сказала, что мы постараемся, Егор.

— Семнадцать лет прошло.

Вера резко обернулась к мальчику.

— Что?

Егор опустил взгляд на свои маленькие ладони.

— Для вас, — пояснил он. — Для меня не очень.

Марк хотел что-то спросить, но начальница уже достала из ящика стола длинный ключ. В обычные дни там хранились канцелярские скрепки, таблетки от головной боли и коробка с конфетами, срок годности которых закончился раньше Первого несовпадения.

— У нас нет времени на семейные тайны, — сказала она. — Следуйте за мной. И учтите, Синицын: всё, что вы сейчас увидите, официально никогда не происходило.

— Для нашей организации это довольно обычная формулировка.

— Нет. Сегодня я говорю совершенно серьёзно.

Она подошла к шкафу с папками от «А» до «Я», вынула самый нижний ящик и поставила его на пол. За ящиком обнаружилась дверная ручка. Марк был уверен, что позади шкафа должна находиться наружная стена. За стеной была парковка. Но стоило Серафиме повернуть ключ, как за полками открылся узкий коридор, уходящий куда-то вниз.

— Двадцать четыре ступени, — сказала начальница. — Не считайте двадцать пятую. Она не ваша.

Они спускались молча.

Марк, разумеется, считал. Когда под ногой должна была оказаться двадцать пятая ступень, он внезапно услышал голос матери. Тот не был похож на голос автобуса. Он звучал устало, чуть хрипло, с привычным раздражением:

— Марк, ты опять всё считаешь. Посмотри по сторонам.

Он едва не обернулся. Тая вцепилась ему в локоть.

— Не смотри назад, — прошептала она. — В этом коридоре тебя догоняет не прошлое. Здесь прошлое догоняет тех, кто его помнит.

На двадцать шестой ступени голос исчез.

Внизу их ожидала комната без окон. Стены состояли из архивных ящиков. В центре стоял железный стол, над которым висела одинокая лампа. На полу белой краской был выведен номер: «0».

Серафима положила на стол красный конверт, потом сняла со шеи свой знак.

— Это хранилище нулевых редакций, — сказала она. — Здесь сохраняют свидетельства о событиях, которых не должно быть. Часть из них могла случиться. Часть — случилась и была отменена. Разницу устанавливают уже после то-

го, как люди перестают помнить.

— А вы? — спросил Марк. — Вы помните?

— Достаточно, чтобы сожалеть.

Она достала плоскую металлическую коробку с пломбой 17.09.2039. На пломбе стояли буквы «М. А. С.».

Марк ощутил знакомый холод в правой руке.

— Я не открывала её семнадцать лет, — сказала Серафима. — У нас было соглашение. Пока ты ничего не знаешь, твоя подпись не имеет силы. Вчера это соглашение перестало действовать.

— Почему вчера?

— Потому что вчера пришло извещение о том, что завтра ты разрешишь исполнение.

— И вы не посчитали нужным меня предупредить?

Начальница посмотрела на него так, как смотрела обычно на человека, который потерял папку с чужой жизнью.

— Я три года давала тебе работу, на которой каждый день нужно ставить печать о присутствии. Я заставляла тебя фотографировать журнал. Я даже штрафовала за пропущенную минуту. Неужели ты думаешь, что меня так интересовали твои семь минут опоздания?

Марк вспомнил запись в 18:08. Печать, без которой его возражение не приняли бы. Привычку, за которую он ненавидел начальницу.

— Вы знали, что мне понадобится алиби.

— Я надеялась, что никогда не понадобится. Это разные

вещи.

Серафима сорвала пломбу.

В коробке лежали детский ботинок красного цвета, две фотографии и тонкая тетрадь в синей обложке. На ботинке была оторвана липучка. Марк узнал его прежде, чем увидел, что внутри.

— Вера, — выдохнул он.

Сестра стояла рядом и глядела на детскую обувь непонимающе.

— Мне было четыре, когда я носила такие. И что?

— Ты потеряла его на платформе, — сказал Марк. — В тот день.

— В какой день?

Он не ответил.

Серафима развернула первую фотографию. На снимке была станция «Литейная». Та же четвёртая платформа, только стены покрывала копоть, а на рельсах стоял разорванный поезд. Возле дверей — маленькая девочка с одной босой ногой. За стеклом — мальчик лет девяти с испуганным лицом.

Марк присмотрелся. Мальчиком был он сам.

— Ты спас меня, — прошептала Вера, проводя пальцем по фотографии.

— Да, — сказал Марк.

Но на втором снимке девочка уже стояла по другую сторону стекла. А мальчик лежал на платформе, раскинув руки. Вокруг него не было крови. Только на груди белела аккурат-

ная прямоугольная печать.

«ИСПОЛНЕНО».

Вера отступила.

— Как ты тогда выжил?

Серафима не стала отвечать. Она открыла синюю тетрадь. Детские строки на первой странице были написаны карандашом — крупно, криво, с ошибками. Марк не узнавал почерк, но знал, что ребёнок писал в ужасной спешке.

«Я не согласин. Она должна быть живая. Пажалуста. Я отдам своё место».

Ниже стояла подпись девятилетнего Марка Синицына.

На следующей странице красовался официальный ответ:

«ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИНЯТО.

ПОЛУЧАТЕЛЬ СОХРАНЁН.

ЗАЯВИТЕЛЬ СПИСАН.

ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ ГОРОДА: ДО 12.10.2056, 23:59:59».

Марк впервые понял, что произошло. Не вспомнил — именно понял. В 2039 году он уже сделал выбор, от которого зависела жизнь сестры. И этот выбор не отменил смерть. Он просто позволил ей подождать.

Тая осторожно взяла тетрадь, посмотрела на дату, потом на часы над дверью. Время до полуночи показывало 04:33:12.

— Пятнадцать лет назад я читала это дело, — сказала она. — Но в учебнике не было второй страницы.

— А здесь есть третья, — ответила Серафима.

Она перевернула лист.

Третья страница была чистой, если не считать одной строки, написанной свежими, ещё влажными чернилами.

«ЗАЯВИТЕЛЬ, ПОЛУЧИВШИЙ ОТСРОЧКУ, ОБЯЗАН ЛИЧНО РАЗРЕШИТЬ ИСПОЛНЕНИЕ В ДЕНЬ ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА».

Марк поднял голову.

— То есть завтра я должен подписать разрешение, чтобы умерли все?

— Нет, — тихо сказала Серафима. — Ты неверно прочёл главное слово.

Она указала на «заявителя».

Чернила зашевелились. Под детской подписью Марка проступила вторая — маленькая, неровная, выведенная четырёхлетней рукой. Вера смотрела на неё, бледнея с каждым мгновением.

«СИНИЦЫНА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

ЗАЯВИТЕЛЬ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ».

— Семнадцать лет назад, — произнесла Серафима Петровна, — твоя сестра не просила спасти её. Она попросила вернуть тебя.

Снаружи по архивным ящикам одновременно ударила восемьдесят одна печать.

Глава третья
Возврату не подлежит

Первый удар пришёлся изнутри шкафа с делами умерших.

Второй — из ящика с бланками на отпуск. Это показалось Марку особенно бесчеловечным: право на отдых и без того было в Управлении чем-то сверхъестественным.

Потом загрохотало всё сразу.

Восемьдесят один удар слились в один звук, от которого лампа над железным столом вытянулась в тонкую белую нить. Нить оборвалась. По стенам пробежали ровные прямоугольники, словно кто-то невидимый ставил штампы поверх

штукатурки.

Вера отшатнулась от синей тетради. Тая схватила Егора за ворот куртки и отдёрнула от ближайшего ящика. Серафима Петровна не двинулась с места. Она только положила ладонь на коробку с детским ботинком — защищая её так, как другие люди защищают собственное сердце.

Марк посмотрел на часы.

До полуночи оставалось четыре часа тридцать три минуты. До повторного предъявления взыскания — семнадцать минут сорок секунд.

— Они пришли раньше, — сказал он.

— Нет, — ответила Серафима. — Это хуже.

Из нижнего ящика вытянулся конверт. Он был толще остальных, как будто внутри лежала не бумага, а сложенная в несколько раз человеческая рука. Конверт прополз по столу, остановился перед Марком и сам распечатался.

«ПРОВЕРКА ВМЕСТИМОСТИ ХРАНИЛИЩА.

ПРИНЯТО НА ХРАНЕНИЕ: 81.

ДОПУСТИМОЕ КОЛИЧЕСТВО НЕВРУЧЁННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ ОБЪЕКТА: 0.

ПРЕДПИСАНИЕ: ОСВОБОДИТЬ ПОМЕЩЕНИЕ ДО ПРИБЫТИЯ ПОЛУЧАТЕЛЯ».

— Как это ноль? — спросил Марк. — Мы целый отдел невручённых извещений. У нас больше нуля было даже во время ремонта.

— Мы храним извещения, — сказала Серафима. — Не

то, о чём они извещают.

Ящики затряслись. На каждом проступило имя. Марк прочёл три ближайших: ПОЛИНА НЕВЕРОВА, МАКСИМ НЕВЕРОВ, ВЕРА СИНИЦЫНА. Потом имена потянулись вдоль стены, расходясь по поверхности металла, будто чернильные корни.

— Это люди из поезда, — сказал он.

— Остаток, — уточнила Тая. — После Дениса. Восемьдесят одна жизнь, которую Акт ещё считает своей.

Марк коснулся ящика с именем сестры. Металл оказался тёплым. Изнутри послышался короткий глухой стук.

Вера шагнула к нему.

— Это у меня сердце бьётся, — сказала она. — Я отсюда слышу.

Она приложила ладонь к груди. Стук в ящике повторился в такт.

Марк тут же отдёрнул руку.

— Нет, — сказал он конверту. — Ей пока рано переезжать в мебель.

«ПРОСЬБА НЕ ОТНОСИТСЯ К ПРЕДМЕТУ ПРОВЕРКИ».

— Тебя хоть раз кто-нибудь просил стать человеком? — не выдержал Марк.

«НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ».

— Удивительно. У нас совпало.

Тая резко подняла руку.

— Не шути с бланками. Они слушают, даже когда ты уверен, что это просто бумага.

— Я тоже слушаю. Но мне почему-то допуск не повышают.

Вера развернулась к Серафиме.

— Что означает «заявитель первой инстанции»?

Её голос был почти спокойным. Марк хорошо знал этот тон: сестра так говорила с ним в детстве, когда находила спрятанные двойки. Чем спокойнее, тем ближе катастрофа.

— Вера, сейчас нужно сначала…

— Семнадцать лет назад мне было четыре, — перебила она начальницу. — Я не умела писать «инстанция». Я даже «пожалуйста» писала через три ошибки. Кто дал мне право подписывать приговор городу?

Серафима медленно перевела на неё взгляд.

— Никто.

Тишина наступила настолько внезапно, что стало слышно, как по стеклу лампы стекает капля белого света.

— Что? — спросил Марк.

— Никто не давал ей такого права, — повторила Серафима. — В этом и состоит самое опасное место дела.

Она вытащила из синей тетради тонкую кальку. Марк поклялся бы, что раньше между страницами её не было. На ней расплывались две детские надписи, сделанные разными карандашами. Первая была знакомой: «Я не согласин. Она должна быть живая. Пажалуста. Я отдам своё место».

Вторая состояла всего из трёх слов.

«ВЕРНИТЕ МНЕ МАРКА».

«Мне» Вера написала зеркально. Последнюю букву имени обвела столько раз, что бумага под ней порвалась.

— Ты тогда стояла за ограждением, — сказала Серафима. — Тебя уже вытащили из вагона. Он остался внутри, а потом оказался на платформе. Исполненным. Ты кричала, что не пойдёшь домой без него. Когда пришёл Ревизор, ты потребовала вернуть брата.

Вера уставилась на кальку.

— Я была ребёнком.

— Да.

— И вы приняли это как заявление?

— Я не принимала. Я пыталась закрыть дело, пока никто не заметил. Но документ уже ответил тебе.

— Почему тогда умер Марк, а не я? — спросила Вера.

Серафима посмотрела на брата и сестру по очереди.

— Потому что вы оба просили об одном и том же, но в разных редакциях события. Марк предложил свою жизнь, чтобы сохранили твою. Ты потребовала его обратно. Система не могла одновременно выполнить обе просьбы. И нашла то, что у неё получается лучше всего.

— Задолженность, — сказал Марк.

— Отсрочку, — поправила Серафима. — С обеспечением. Семнадцать лет жизни вы получили в кредит.

Марк почувствовал, как Вера рядом отстранилась. Ему

захотелось сказать, что всё это неправда, что они давно уже расплатились детством, больницей матери, пустой квартирой и тремя годами дешёвого кофе в Управлении. Но долг, очевидно, не принимал таких валют.

— Кто обеспечил кредит? — спросил он. — На листе написано: город.

— Вот именно, — сказала Серафима. — Кто-то поставил за вас в поручители Бережск. И я все эти годы не могла найти подпись поручителя.

На стене, прямо над её головой, проступили слова:

«ПРОВЕРКА ВМЕСТИМОСТИ: 00:16:11».

— Предположим, мы очень тронуты семейной историей, — сказала Тая. — Но через шестнадцать минут сюда придут Сборщики. Если помещение не подходит, они начнут вручать смерть всем, кого здесь найдут.

Егор, стоявший у стола, поднял голову.

— А меня они найдут?

Тая посмотрела на его жетон.

— Тебя — не уверена.

— Они всегда находят маму, — произнёс мальчик. — Даже если её нет в поезде.

Он поднёс жетон к лампе. На бумаге проступило маленькое изображение: четвёртая платформа, пустая скамья, женщина в светлом плаще. Изображение было не фотографией. Оно двигалось. Женщина оборачивалась, как будто кто-то звал её издалека, и снова уходила в неподвижную темноту.

— Ты видел это раньше? — спросил Марк.

— Каждый раз, когда поезд возвращается, — ответил Егор. — Она делает одно и то же. А в этот раз села в белый автобус. Я подумал, что так и надо. Все взрослые говорили, что там безопасно.

Марк почувствовал новый укол вины. У него не было сил на все чужие жизни сразу, и от этого они не становились менее чужими.

— Мы её найдём, — сказал он.

— Вы уже обещали мороженое, — заметил Егор. — Сначала научитесь обещать что-нибудь одно.

— Справедливо. У меня не самое удачное резюме по выполнению обещаний.

Мальчик подумал и протянул ему жетон.

— Тогда возьмите это. Там на обратной стороне появилась улица. Раньше её не было.

Марк перевернул жетон.

Внизу, рядом со старой датой, проступал адрес: «БЕРЕЖСК. ОБРАТНАЯ СТОРОНА. ПРИЁМНОЕ ОКНО № 0».

— Это не улица, — сказала Серафима.

— А что?

Она перестала смотреть на тетрадь. Теперь всё её внимание было приковано к бумажному жетону.

— Это почтовый маршрут.

. . .

В Бережске было сорок семь отделений связи, одиннадцать пунктов выдачи и два места, куда корреспонденцию относили люди, не желавшие больше видеть ни адресата, ни саму корреспонденцию.

Серафима Петровна утверждала, что существует и сорок восьмое отделение. Оно принимало отправления, которые были доставлены в несуществующие дни.

— Где находится? — спросил Марк.

— Ты работаешь над ним три года.

Она прошла к дальней стене хранилища, где все ящики неожиданно стали одинаковыми — без номеров, без ручек, без имён.

— За третьим стеллажом у нас помещение сортировочной машины. Её закрыли после Первого несовпадения. По документам там склад списанных скрепок.

— А на самом деле?

— Скрепок нет.

Вера присела на корточки и осмотрела стену.

— Никакой двери. Только петли. Четыре штуки.

— Значит, есть дверь, — сказал Марк.

— Или это очень старый шкаф, — ответила она. — Дай отвёртку.

Марк посмотрел на её раскрытую ладонь.

— Она же у тебя.

— Вот ты и попался. Я проверяла, смотришь ли ты вообще по сторонам.

За спиной снова ударила печать, на этот раз одна. Ящик с именем Веры приоткрылся на толщину ногтя. Сквозь щель просочился воздух, пахнущий метро и горячей изоляцией. Вера перестала шутить.

— Ладно, — сказала она. — Время кончается.

Сестра вставила синюю рукоятку между двумя петлями. Марк держал фонарь телефона, а Тая следила за ящиками. Серафима достала из кармана связку старых ключей. На одном висела табличка «ПРОЧЕЕ».

— Вы могли показать этот ключ сразу, — заметил Марк.

— Могла. Но иногда важно дать сотрудникам проявить инициативу.

— Вы с Платоновым случайно не ходили на одни курсы управления персоналом?

— Он был моим учеником.

Марк поднял брови.

— Сегодня у меня многое встало на свои места.

Ключ не повернулся. На металле двери появилась строка: «ДОСТУП В ОТДЕЛЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО ПОДТВЕРЖДЕНИЮ ДОСТАВЛЕННОГО ОТПРАВЛЕНИЯ».

— Чтобы войти, нужно что-нибудь доставить, — прочёл Марк.

— Мы доставляем себе проблемы с утра, — сказала Вера.
— Этого недостаточно?

Марк обернулся к конверту проверки вместимости. Тот лежал на столе, требуя освободить помещение от восьмидесяти одной смерти. Конверт был отправлен хранилищу и уже получен. Но получателем значился не человек.

Он прошёл назад, взял конверт и расписался на узком краю там, где обычно ставили отметку канцелярии.

«ПОЛУЧЕНО. ОТДЕЛ НЕВРУЧЁННЫХ ИЗВЕЩЕНИЙ. М. А. СИНИЦЫН».

Буквы на двери вздрогнули.

«ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ УСТАНОВЛЕН В РЕЕСТРЕ ГРАЖДАН».

— Да, — сказал Марк. — Но должность у меня зарегистрирована. Мне даже за неё мало платят. Проверьте табель.

Чернильная линия на запястье раскалилась. Из стены выдвинулась узкая полоска бумаги.

«СОТРУДНИК ОТДЕЛА: ПОДТВЕРЖДЁН.

ПОЛНОМОЧИЕ НА ПРИЁМ СЛУЖЕБНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО.

ДОСТАВЛЕННОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ: 1».

Дверь открылась с тяжёлым вздохом.

За ней стояла машина величиной с трёхэтажный дом.

***От стены до стены тянулись колёса с зубьями, ремни, лотки и широкие столы, покрытые слоями пыли. Под потолком висели прозрачные трубы, внутри которых застря-

ли сотни конвертов. На каждой трубе было написано название города. Большинство названий Марк никогда не слышал. Некоторые были написаны так, что глаз отказывался удерживать буквы в памяти.

В самом центре стоял круглый сортировочный барабан. На его боках темнели окошки — десятки, сотни. В одном Марк увидел заснеженную улицу, в другом — солнечный двор, которого не могло быть сейчас, в октябре. Третье окно показывало тот же зал, но пустой, заросший чёрной травой.

— Машина отделяет недоставленное от несуществующего, — сказала Серафима. — Раньше она отправляла письма в адрес того Бережска, где их ещё могли получить.

— Того? — переспросила Вера.

— Первое несовпадение создало не одну ошибку. Оно создало две версии города. Одну оставили действующей. Вторую признали завершённой.

— Списали, — сказал Марк.

Серафима кивнула.

— В той редакции остались люди. И когда наша реальность избавлялась от чего-нибудь, иногда оно оказывалось там. Не всегда живым. Не всегда мёртвым.

Егор бросился к одному из окошек. За стеклом мелькнула остановка с жёлтой крышей. На скамье сидела женщина в светлом плаще, сжав в руках хозяйственную сумку.

— Мама!

Он ударил по стеклу. Изображение рассыпалось серебря-

ной пылью, и вместо остановки появилось слово «НЕДОСТАВЛЕНО».

Серафима успела схватить его за плечи.

— Нельзя трогать окна, если не знаешь адреса.

— Она же там!

— Я знаю, Егор.

— Вы всегда знаете, — ответил он с какой-то невыносимой для детского голоса усталостью. — А потом говорите, что попробуете.

Серафима не нашла слов.

Марк обошёл барабан. На его основании была выбита дата: 17.09.2039. Рядом — круглая ниша размером с ладонь.

— Как её включить?

— Без пломбы нельзя, — ответила начальница. — После первого разделения машину запечатали. Под страхом полного списания. Я ни разу не пыталась.

— Удивительно. И почему вы меня сюда наняли?

— Именно поэтому, — сказала Серафима.

Тая прислонилась к колонне. По её лицу Марк видел, что в глазах у неё всё плывёт. От прежней твёрдости осталось упрямство, а этого, как он уже выяснил, недостаточно, чтобы остановить печать.

— Дайте ей сесть, — сказал он Вере.

— Я и сама умею сидеть, — отозвалась Тая.

— Отлично. За вами остаётся этот редкий талант. Садитесь.

Женщина села прямо на пол, вытянула ноги и провела пальцами по серебряному шраму на виске.

— Я тогда в учебнике видела схему такого барабана. У него есть клапан возврата. Если входящий адрес неверен, письмо не выбрасывают. Его отправляют туда, откуда оно пришло.

— Назад в 2039 год?

— Не обязательно. Назад отправителю. Это хуже, если не знаешь, кто отправитель.

Марк вытащил из кармана билет шестого состава. Тот самый, который лежал в красном конверте. За последние два часа он успел смяться, намокнуть, высохнуть и почти превратиться в крошечное произведение искусства под названием «Не садитесь на этот поезд».

На обратной стороне билета проступила строка:

«ПОЛУЧАТЕЛЬ: М. А. СИНИЦЫН».

— Он был адресован мне, — сказал Марк. — И пришёл в наш отдел. Если он открыт, может, машина примет его как подтверждённую доставку.

— А может решить, что ты должен вернуться на место смерти, — заметила Вера.

— Приятно, что мы обо всём договорились заранее.

Он положил билет в нишу. Машина не двинулась.

«ОТПРАВЛЕНИЕ ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕДАКЦИИ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ АДРЕСУ ПОЛУЧАТЕЛЯ».

— Ну конечно, — сказал Марк. — Счастливый билет.

Егор поднял жетон.

— А мой из старой редакции.

Все посмотрели на него.

— Жетон выдали в день, когда всё случилось. Здесь даже дата правильная. Мама всегда говорила, что старые билеты нельзя выбрасывать. Иногда они ещё действуют.

Марк хотел ответить, что взрослым обычно не разрешают принимать решения на основании советов о проездных. Но мальчик уже протянул ему бумагу.

— Только верните, — сказал Егор. — У меня другого нет.

Марк вставил жетон в нишу.

Внутри машины что-то тихо щёлкнуло.

«ДОСТАВЛЕННЫЙ ОРИГИНАЛ ПОДТВЕРЖДЁН.
СВИДЕТЕЛЬСКИЙ РЕКВИЗИТ: ДЕЙСТВИТЕЛЕН.
ДОСТУП К ЖУРНАЛУ МАРШРУТОВ: РАЗРЕШЁН».

— Вернуть жетон, — потребовал Марк прежде всего.

Из ниши вылетела бумажка и ударила его по лбу.

Егор успел поймать её раньше, чем она упала. На лице мальчика мелькнуло удивление: впервые за весь день что-то ему действительно вернули.

Машина проснулась.

Тихо загудели ремни. В прозрачных трубах зашуршали письма. Барабан медленно повернулся и выставил перед ними узкое окошко с надписью «МАРШРУТЫ, ЗАКРЫТЫЕ БЕЗ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ».

Вера уже была у пульта. Пульт состоял из круглых меха-

нических кнопок, похожих на старые телефонные диски, и рычага с предупреждением «НЕ НАЖИМАТЬ ПРИ НАЛИЧИИ ЖИВЫХ».

— Как дружелюбно, — сказала она. — Можно повесить такую табличку на нашу входную дверь.

— Только рычаг не трогай, — предупредила Серафима.

— Тебе это понравится, Марк, — ответила Вера. — Я наконец услышала инструкцию, которая мне подходит.

— Я только что тебя спасал ради того, чтобы ты не трогала рычаги.

— Зря старался.

Тая, не вставая, указала на длинный ряд латунных ползунков.

— Введи номер маршрута. Шесть. Потом число отправлений. Шестьдесят девять.

Вера быстро сдвинула ползунки. Барабан разогнался, воздух наполнился звоном печатей. Из верхнего лотка посыпались узкие карточки. Марк поймал первую.

«НАПРАВЛЕНИЕ: МАРШРУТ 6/ПОВТОРНАЯ ДОСТАВКА.

ОТПРАВЛЕНО: 69.

ПОЛУЧЕНО: 0.

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ МЕСТО: РЕДАКЦИЯ Б-0.

КОНЕЧНОЕ МЕСТО: НЕ НАЗНАЧЕНО».

— Б-ноль, — выдохнула Тая. — Я думала, такого обозначения не существует.

Серафима побледнела.

— Существует. Так называется Бережск, который закончился семнадцать лет назад.

— Существовал, — машинально поправил Марк.

— Нет, — сказала она. — Я выбрала слово правильно.

Появилась вторая карточка. На ней вместо адреса напечатали список имён. Марк пробежал его глазами и понял, что фамилии ему знакомы: пожилая женщина со станции, подросток с синим рюкзаком, девушка с обожжённой рукой. Пассажиры из поездных вагонов.

— Если получено ноль, — сказала Вера, — они ещё в пути. Верно?

— Да, — ответила Тая. — И пока конечное место не назначено, им есть куда вернуться.

Марк листал карточки всё быстрее. На шестьдесят девятой не было имени. Только запись:

«МОЛЧАНОВА МАРИЯ ИВАНОВНА.

ИСКЛЮЧЕНИЕ: ПОЛУЧАТЕЛЬ ОЖИДАЕТ ДОСТАВКИ С 17.09.2039».

Егор перестал дышать.

— Это мама.

— В списке шестьдесят девять фамилий из сегодняшнего поезда? — спросила Тая.

— Шестьдесят восемь, — ответил Марк. — Одно место занято чужим именем.

— Не чужим, — возразил Егор.

Марк поднял глаза. Мальчик смотрел на бумагу с таким выражением, будто ему только что показали дверь домой, но объяснили, что ручка осталась по ту сторону.

— Значит, одного из сегодняшних пассажиров здесь нет, — сказала Вера. — А вместо него записали женщину из прошлого.

Машина ответила сухим щелчком. Последняя карточка, прилипшая к дну лотка, перевернулась сама собой.

«РАЗНИЦА В ВЕДОМОСТИ: 1.

СВОБОДНАЯ ЯЧЕЙКА ДЛЯ ЗАМЕЩЕНИЯ: ОТКРЫТА».

Марк медленно опустил руку.

Сначала в поезде его указали лишним восемьдесят третьим пассажиром. Теперь в белых автобусах появилось одно свободное место. Кто-то настойчиво готовил для него транспорт.

Или для того, кто сможет заменить его.

— Не подходите к ячейке, — сказала Серафима.

Это было очень правильное предупреждение.

И поэтому прозвучало на секунду позже, чем требовалось.

***Барабан повернулся ещё на одну секцию.

В его боку открылся проём размером с человеческое плечо. Оттуда пахнуло жареным железом, чужими духами и тем самым холодом, который Марк почувствовал на четвёртой платформе. Узкий луч света упал ему на лицо.

«ПАССАЖИР БЕЗ ПОДТВЕРЖДЁННОГО МЕСТА.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОСАДКА.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ НЕ ТРЕБУЕТСЯ».

Тени в помещении потянулись к нему. Сначала на полу, потом на стенах. Марк почувствовал, что у него есть ноги, но больше не уверен, где они кончаются. Пятно кофе на брюках стало чётким, как в тот момент, когда он пролил напиток. Куртка, ободранная на станции, восстановила ткань. На груди появился незнакомый пластмассовый браслет.

— Какого чёрта…

— Он редактирует тебя под пассажира, — крикнула Тая. — Не смотри в окно!

Марк посмотрел, разумеется. В этом дне все запреты появлялись как раз в тот момент, когда их было поздно выполнять.

По другую сторону отверстия стоял белый автобус. Внутри сидели люди, неподвижные, словно забытые манекены. На ближайшем кресле кто-то нарисовал пальцем на запотевшем стекле слово «ДОМОЙ». За стеклом было темно, хотя свет в салоне горел ярко.

Потом мужчина на первом сиденье повернулся к Марку.

У мужчины было лицо Марка.

Только старше. У левого глаза лежала глубокая морщина, волосы на висках были седыми, а на правой руке не было трёх пальцев. Взрослый незнакомец посмотрел на него с такой жалостью, что Марк сразу перестал бояться автобусного

окна и начал бояться собственного будущего.

Тот поднял ладонь к стеклу.

На стекле проступили буквы: «НЕ ДАВАЙ ЕЙ ПОДПИСЫВАТЬ».

Марк моргнул. Лицо исчезло. Теперь на сиденье был обычный мужчина в куртке доставщика, с раскрытым ртом и кровью на воротнике.

— Вера! — крикнул Марк. — Выключай машину!

— Я бы с удовольствием! — ответила сестра. — Она не подключена к электричеству!

Она сорвала металлическую крышку с основания рычага. За ней оказалась цепь, уходящая в пол. Вера ухватилась за неё обеими руками и дёрнула. Откуда-то сверху отозвался тяжёлый стук.

Серафима бросилась к панели с надписью «АВАРИЙНЫЙ ВОЗВРАТ».

— Не трогай! — крикнула Тая.

Серафима замерла.

— Почему?

— Он вернёт всё сразу. Машина сейчас связана с восемьюдесятью одной единицей взыскания.

Марк представил, как восемьдесят одна смерть возвращается туда, где люди прямо сейчас стоят и дышат. Стало совсем неуютно.

Барабан ускорился. Стекло втягивало его всё сильнее. Ладони Марка потянулись к узкому проёму, будто руки при-

надлежали кому-то другому.

«ЗАПИСЬ О ПРИСУТСТВИИ ПОДГОТОВЛЕНА. ПРИНЯТЬ?»

Под текстом возникли две клетки. В одной уже стояла галочка.

— Они заранее решили, что я согласен! — крикнул Марк.

— Ты привык, — отозвалась Вера сквозь скрежет. — У нас дома ты тоже всегда согласен выносить мусор, даже когда не знаешь об этом!

Она ударила отвёрткой по креплению цепи. Крепление разошлось. Металлическая петля упала на пол, а вместе с ней сверху рухнул тяжёлый деревянный ящик. Из него посыпались старые сургучные печати.

Вера подняла одну, прочла надпись и коротко усмехнулась.

— Марк! У машины есть кнопка отмены!

— Куда жать?

— Не кнопка. Печать. «ВРУЧЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ»!

— А чем мне доказать, что не состоялось? Меня тут буквально заталкивают внутрь!

— Тем, что тебя не спрашивали!

— Это мы уже пытались доказать автобусу!

— И получилось!

Серафима увидела печать и вдруг поняла.

— Её применяли к подложным адресам, — сказала она.

— Если отправитель вписал получателя без подтверждения, вручение отменяли. Но нужна независимая отметка отправителя или его правопреемника.

— Отправитель здесь кто? — спросил Марк.

Над проёмом появилась строка:

«ИНИЦИАТОР ЗАМЕЩЕНИЯ: ЗАЯВИТЕЛЬ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ».

Вера неподвижно посмотрела на него.

— Я?

Строка не изменилась.

— Оно использует старую просьбу, — сказал Марк. — Ты просила вернуть меня, а система решила, что можно взять меня из любого места и в любой год. Даже если из-за этого я перестану существовать здесь.

— Я не просила подменять людей, — сказала Вера.

— И это нужно доказать, — отозвался он. — Не просто сказать.

Вера сжала в ладони печать. Потом подняла синюю тетрадь, принесённую из хранилища.

— Здесь написано «верните мне Марка». Не «посадите в автобус». Не «отдайте кого-нибудь вместо него».

Она сунула тетрадь прямо в окно барабана. Лист едва не вырвало у неё из рук. Чёрные буквы потянулись к старой надписи, сливаясь с ней.

«ОСНОВАНИЕ ЗАМЕЩЕНИЯ: СОМНИТЕЛЬНО.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: 1/2».

— Ещё одно, — сказал Марк. — Нужно ещё одно!

Барабан дернулся. Из проёма вырвалась тонкая бумажная лента, обмотала ему шею и резко потянула вперёд. Марк успел просунуть под ленту два пальца, но воздух закончился очень быстро.

Егор выскочил из-за стола.

— Я видел её! — закричал он. — На платформе! Она кричала «Верните брата»! Она не просила других!

«СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕ ПРИНЯТО.

ПРИЧИНА: НЕ УСТАНОВЛЕН ПРЕДМЕТ НАБЛЮДЕНИЯ».

Мальчик побледнел.

— Но я же видел!

— Ты видел саму просьбу, — выдавил Марк. — А нужно доказать, что сейчас Вера не давала разрешения. Что у неё нет такой обязанности…

Он задохнулся. Лента стянулась сильнее.

Вера шагнула к проёму, закрыв собой брата.

— Я заявитель, — сказала она отчётливо. — Я здесь. Вы хотите подтвердить моё согласие? Тогда предъявите мне документ на подпись. Лично. Я не отказываюсь от Марка. Я отказываюсь от замещения.

В воздухе появилась тонкая чёрная бумага.

«ЗАЯВИТЕЛЮ ПРЕДЪЯВЛЕНО УВЕДОМЛЕНИЕ О ЗАМЕЩЕНИИ.

ВРУЧЕНИЕ ПОДТВЕРДИТЬ».

Вера поставила на нижнем поле не подпись, а огромную кривую печать.

«ВРУЧЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ».

Машина на секунду замерла.

— Это ложь, — прошептал Марк. — Ей ведь вручили.

— Не до того, как оформили согласие, — сказала Вера. — Печать про прошлое вручение. Тогда его не было. Теперь есть отказ.

На бумаге одна за другой проступили строки:

«ПОДТВЕРЖДЕНО: СОГЛАСИЕ УКАЗАНО ДО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ.

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: ПРИНЯТО.

ЗАМЕЩАЮЩАЯ ПОСАДКА: ПРИОСТАНОВЛЕНА».

Лента разорвалась. Марк отлетел от барабана, ударился спиной о стол и с грохотом свалил на пол целую коллекцию штампов. Боль вспыхнула в рёбрах, но воздух снова принадлежал ему.

Вера подбежала и схватила его за плечи.

— Живой?

— Проверим по табелю, — прохрипел он.

— Сейчас я тебя сама по табелю…

Она вдруг обняла его. Коротко, с такой силой, что у Марка захрустела спина.

— Не смей больше исчезать, — прошептала она.

— Даже мусор могу не вынести?

— Мусор — обязательно.

Тая подошла к ним, держась за стену.

— Вы остановили посадку. Но не отменили маршрут. Смотрите.

В барабане снова открылось окно. На этот раз за стеклом была пустая улица. Над тротуаром висели серые таблички с датами, а в конце стоял белый автобус. Его двери оставались закрытыми.

Изнутри кто-то медленно постучал по стеклу — не печатью, а человеческими пальцами.

Марк шагнул ближе и увидел на окне след от ладони.

Большой палец. Четыре длинных отпечатка.

И маленькую надпись рядом: «ВЫ ТАМ ЕЩЁ ЕСТЬ?».

Вопрос был адресован не ему одному.

Вместо ответа в барабане загорелась новая строка:

«ОТКРЫТ КАНАЛ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ.

СРОК АКТИВНОСТИ: 00:02:59».

***— Если там живые люди, пусть ответят, — сказала Вера.

Она нашла на пульте узкий раструб переговорной трубы. Металл у его края был холодным, с отпечатками чужих губ. Вера постучала по нему костяшками пальцев.

— Эй! Кто-нибудь слышит? Мы из Бережска! Из нормального, насколько это слово здесь вообще уместно!

Труба захрипела.

— Не говори «нормального», — подсказал Марк. — Вдруг они оскорбятся.

На другом конце кто-то всхлипнул.

— Кто там? — спросил женский голос. — Вы диспетчер? У нас дети. Водитель не двигается. Двери заперты.

— Как вас зовут? — спросила Тая, поднимаясь с пола.

— Ольга Ратная. Я ехала на шестом поезде. Нас вывезли со станции, сказали — в больницу. А за стеклом… вы не поверите.

— Постарайтесь, — ответила Тая. — У нас сегодня очень высокая пропускная способность для невероятного.

— На улице люди. Они все стоят на месте. Только иногда меняются, как картинки в окне поезда. Вон тот мужчина всё время роняет портфель, а портфель не падает. Часы на башне показывают восемнадцать сорок одну. А на автобусе написано, что через минуту мы должны умереть.

Марк посмотрел на карточку маршрута. На ней блестела сегодняшняя дата — 12.10.2056. Под ней, будто проступая сквозь бумагу с другой стороны, возникало: 17.09.2039.

— Вы не в прошлом, — сказала Серафима. — Вы в том месте, где прошлое не завершилось.

— Мне от этого не легче, — ответила женщина. — Скажите, что нам делать.

Марк придвинулся к трубе.

— Не выходите из автобуса. Не подписывайте ничего. Найдите бумагу и запишите имена всех, кто рядом. И передайте человеку с вами — он должен это запомнить.

— Какому человеку?

— Любому, кто может свидетельствовать.

Голос женщины стал тише.

— Здесь одна странная пассажирка. Она говорит, что ждала этот автобус семнадцать лет. У неё старый билет, пробитый насквозь. Она всё время спрашивает, кто теперь смотрит за её сыном.

Егор вырвал трубку из руки Марка.

— Мама! — закричал он. — Мама, это я!

На другом конце послышался шум, словно кто-то быстро переступал через людей в проходе.

— Егорушка?

Мальчик застыл. Потом прижал трубку к лицу обеими руками.

— Мам, я здесь. Я с дядей Марком. Он обещал… ну, много чего, но он помогает.

Женщина всхлипнула.

— Ты вырос?

— Нет, — ответил Егор. — Не получилось.

Марк отвернулся. Ему показалось, что на секунду всё помещение сделалось меньше: машина, страхи, сроки, поломанные законы — ничто не могло поместиться рядом с этими двумя голосами.

— Егор, слушай меня, — сказала Мария. — Ни в коем случае не открывай дверь поезда. И пусть тот мужчина с вами не подходит к четвёртой платформе.

— Какой мужчина?

— Синицын. Взрослый. Ему нельзя туда возвращаться. Я уже видела, что будет.

Связь затрещала. Егор звал мать, но вместо ответа раздался другой голос. Низкий, деловой, знакомый Марку до отвращения.

— Синицын. Отойди от трубы.

Платонов.

Голос полковника шёл не из помещения и не из автобуса. Он звучал сразу из всех металлических труб машины.

— Олег Геннадьевич, — сказал Марк, — у вас прекрасная связь. Даже там, где нет улиц.

— Ты открыл старый канал. Это ошибка, которую мы пытались не допустить шестнадцать лет.

— Семнадцать, — поправила Серафима.

— Шестнадцать лет, Серафима Петровна. В первый год мы ещё надеялись, что ты исправишь то, что сделала.

Начальница выпрямилась.

— Тебе следовало сказать им правду, Олег.

— А тебе следовало не брать этого мальчика на работу.

— Так он хотя бы знал, как выглядят документы.

— Вы двое сейчас серьёзно ругаетесь из-за моего трудоустройства? — спросил Марк.

— Слушай внимательно, — сказал Платонов. — Автобусы вышли из действующей редакции. Пока они в коридоре Б-ноль, их пассажиры не могут быть окончательно списаны. Я отправил их туда не ради казни, а чтобы удержать от взыс-

кания до полуночи.

— Вы забыли сообщить об этом людям, — сказала Вера.

— Если бы сообщил, транспорт не получил бы права вывоза. Их согласия пришлось оформить заранее.

— И вы считаете это оправданием? — спросил Марк.

— Нет. Я считаю это преступлением, за которое мне, возможно, придётся ответить. Но пока мы разговариваем, более четырёхсот тысяч человек могут перестать существовать. Не путай мои методы с моим желанием их убить.

Марк вспомнил кровь на губах полковника и двенадцать чужих подписей, за которые тот расплатился годами своей жизни. Что-то в словах Платонова сходилось. Но не всё.

— Если вы хотели защитить пассажиров, почему конечное место не назначено?

Тишина длилась две секунды.

— Потому что если назначить его, — ответил полковник, — они умрут в момент прибытия. Я не нашёл другого адреса.

— Значит, мы его найдём.

— У тебя пять минут до того, как Сборщики дойдут до корпуса Б. Закрой канал и убирайся из хранилища.

— А люди?

— Живы. Пока. Не сделай из этого прошедшее время.

Голос исчез.

Вокруг барабана снова заработали зубья. На табло старого пульта вспыхнули два счётчика: до закрытия связи — одна минута двенадцать секунд; до предъявления взыскания в

хранилище — пять минут восемь секунд.

— Пять минут, — сказала Тая. — Дальше это здание станет первым пунктом исполнения.

Марк взял из лотка одну из карточек с пассажирским списком. Посмотрел на имена, на дату, на слово «ПОЛУЧЕНО: 0».

— А что делают, когда в отдел приходит вещь, которую нельзя принять на хранение? — спросил он.

Серафима не сразу поняла вопрос.

— Выдают акт несоответствия условиям хранения. Направляют на проверку.

— Сколько у проверяющих времени?

— Пока не установят адрес получателя. В особых случаях — до назначенной сверки.

— Кто назначает сверку?

— Комиссия. А если комиссия недоступна — открытое собрание заинтересованных лиц.

Марк посмотрел на сестру. Вера уже поняла и побледнела.

— Что значит «открытое»? — спросила она.

Серафима ответила вместо брата:

— Весь реестр станет видимым всем жителям города. Имена должников, основание задолженности, заявитель первой инстанции. Ничего нельзя будет скрыть.

— То есть каждый узнает обо мне, — сказала Вера.

— Узнает, — подтвердил Марк. — И о том, что мы с тобой в детстве хотели жить. Знаю. Ужасный проступок.

— Не шути. Люди будут думать, что из-за меня им назначили смерть.

— Некоторые будут, — честно сказал он.

Вера сжала синюю тетрадь. Марк не стал её торопить. Снаружи, за дверью в хранилище, уже слышалось, как по полу равномерно стучит что-то тяжёлое, хотя до назначенного времени ещё оставалось несколько минут. Сборщики не опережали срок. Они просто подходили к месту доставки.

— Если мы этого не сделаем, — спросила Вера, — кто умрёт первым?

— Те, кто окажется ближе к отделу, — ответила Тая. — Сотрудники, охрана. Потом все, кого удастся связать с ведомостью.

Вера положила тетрадь Марку в руки.

— Тогда открывай.

— Ты уверена?

— Нет. Но не похоже, что кто-то вообще собирается предложить нам варианты с хорошими последствиями.

Марк почувствовал, как к горлу подкатывает что-то болезненное. Его маленькая сестра, которая когда-то требовала вернуть ему жизнь, сейчас выбирала рискнуть собственной свободой ради людей, которых не знала.

— Я рядом, — сказал он.

— Вот это мне как раз и не нравится, — ответила Вера. — Ты рядом — значит, уже придумал что-нибудь идиотское.

Она протянула руку к регистрационному окошку.

— Давай вдвоём.

. . .

На оформление открытой описи ушли три минуты и вся аккуратность, которую Марк успел воспитать в себе за три года служебного рабства.

Серафима достала бумажный бланк из тайного лотка в основании машины. Тая продиктовала номер первоначального Акта и заверила, что лично наблюдала его нарушение на четвёртой платформе. Егор подтвердил, что видел живого Марка после указанного времени посадки. Вера указала предмет спора: не существование долга, а незаконную передачу восьмидесяти одного обязательства в хранилище с нулевой вместимостью.

Марк приложил к бланку документы о доставке — служебный конверт, сорок девятую форму, бумажный жетон Егора. Его работа наконец превратилась в то, ради чего, видимо, и существовала: доказать, что почта не должна убивать адресата при получении.

«ДОКАЗАТЕЛЬСТВА О НАРУШЕНИИ УСЛОВИЙ ХРАНЕНИЯ: 2/2.

ОТКРЫТАЯ ОПИСЬ: ДОПУСТИМА.

ПРАВО ЗАЯВИТЕЛЯ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ: УТРАЧИВАЕТСЯ НА ВРЕМЯ РАССМОТРЕНИЯ.

ПОДТВЕРДИТЬ ПЕРЕДАЧУ?»

Вера сама поставила галочку.

Лампа над машиной вспыхнула красным.

В соседнем помещении кто-то грохнул печатью о дверь. За ней раздался сухой скрежет — металл начал покрываться именами.

Марк подписал акт приёма на открытую проверку.

Восьмидесяти одному ящику одновременно стало нечего сказать.

Сначала остановился стук. Затем над барабаном проступила длинная строка:

«ПРИНЯТО К ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СВЕРКЕ.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ: ПРИОСТАНОВЛЕНО.

ВРЕМЯ ДО СЛУШАНИЯ: 00:59:59.

ОСНОВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: СОХРАНЕНО».

— Час, — сказала Тая. — Ты опять купил час.

— Обожаю наши достижения, — ответил Марк. — В конце концов соберу целую жизнь по одному часу.

За дверью раздался ещё один удар. Потом шаги начали удаляться. Сборщики не исчезли. Просто получили новое предписание. Марк почему-то почувствовал, что они запоминают дорогу.

На стене сортировочной машины загорелся городской экран. Тот же текст одновременно вспыхнул на табло транспорта, в витринах, на телефонах и в муниципальных объявлениях. Марк видел отражение в металлическом барабане.

«ОТКРЫТОЕ ДЕЛО № 0001.

ЗАЯВИТЕЛЬ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: СИНИЦЫНА ВЕРА АНДРЕЕВНА.

ОБЪЕКТ РАССМОТРЕНИЯ: ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ПО ОТСРОЧЕННОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ГОРОДА БЕРЕЖСК.

СТАТУС: ПУБЛИЧНАЯ СВЕРКА».

Вера смотрела на своё имя, словно на чужую фотографию.

Телефон в её кармане завибрировал. Потом телефон Марка. Потом стационарный аппарат в стене. На каждом экране мигали сообщения, звонки, запросы объяснений.

«Это вы нас продали?»

«Моя дочь в автобусе. Верните её».

«Знаю, где живут Синицыны».

Вера медленно погасила экран.

— У нас теперь нет дома, — сказала она.

Марк хотел возразить, что дом — это прежде всего она и он, что кирпичи ничего не значат и что всё обязательно наладится. Вместо этого он положил ей ладонь на плечо.

— Значит, сначала найдём людей. Потом место, где можно будет закрыть дверь.

В этот момент из барабана вылетела последняя карточка. Не из потока маршрутов, а из отдельной узкой щели, под которой давно стёрлась надпись.

На карточке был оттиск свежей даты — 13 октября 2056 года.

«ПРОТОКОЛ ПОСТАВКИ СВИДЕТЕЛЯ.

ПОЛУЧАТЕЛЬ: РЕДАКЦИЯ Б-0.

ЛИЦО, ДОЛЖНОЕ ПРИБЫТЬ ЛИЧНО: СИНИЦЫН МАРК АНДРЕЕВИЧ.

ПОДПИСЬ О ПРИБЫТИИ: ПОЛУЧЕНА».

Ниже стоял знакомый росчерк. Такой же, как на акте разрешения исполнения всего города.

Марк уставился на него.

— Я не подписывал.

— Мы знаем, — сказала Вера.

Тая изучала мелкую графу внизу карточки.

— Подожди. Это не разрешение на исполнение. Это расписка о получении. Её поставит человек, который уже находится там.

Она подняла глаза на окно барабана.

В старой редакции города за стеклом всё ещё стоял белый автобус. Но теперь рядом с ним появился человек в тёмной куртке. Он медленно поднял руку к стеклу.

На правой ладони не хватало трёх пальцев.

— Дядя Марк, — прошептал Егор, — почему там вы?

Человек по ту сторону окна обернулся на его голос.

В последний миг, прежде чем связь оборвалась, он успел произнести четыре слова.

— Веру сюда не пускайте.

За его спиной вспыхнула печать: «ДОСТАВЛЕНО».

Глава четвёртая
Адрес для мёртвых

Печать «ДОСТАВЛЕНО» исчезла, а человек за стеклом остался.

Это было плохо. До сих пор Марк утешался тем, что большинство ужасов сегодняшнего вечера подчинялось хотя бы одному понятному правилу: если документ заканчивался, заканчивалось и то, о чём в нём говорилось. Но теперь бумага утверждала, что он прибыл куда-то завтра, хотя сам он всё ещё стоял сегодня и даже не успел поужинать.

— Веру сюда не пускайте, — повторил он.

Слова не достигли стекла. Внутри барабана не шевельнулась ни одна шестерня. Мужчина с его лицом по ту сторону окна отнял от стекла изуродованную руку и оглянулся через плечо.

Там, в Бережске, который закончился семнадцать лет назад, кто-то подходил к автобусу.

Не человек. По крайней мере, Марк не смог бы объяснить, почему у фигуры есть голова, плечи, ноги, но нет места между ними. Как если бы из чёрно-белой фотографии вырезали силуэт, а дырку забыли заклеить.

Мужчина у окна ударил ладонью по стеклу. Один раз. Второй. На третьем ударе исчезло два его оставшихся пальца —

не физически, а на мгновение, будто изображение не успевало за движением. Он отшатнулся.

Окно погасло.

— Я не понял, — сказал Марк. — Мне сейчас явился родственник, о котором никто не рассказывал, или я настолько плохо выгляжу после смены?

— У него твоя подпись, — ответила Тая.

Она стояла у лотка, прижав карточку к свету. В обычном мире эта поза означала бы, что человек проверяет водяной знак на купюре. В нынешнем — что от качества почерка может зависеть жизнь города.

— Подписи можно подделать, — сказала Вера.

— Эту нельзя. Не так. Смотри.

Тая перевернула карточку. На обороте, куда ещё секунду назад не было нанесено ни буквы, проявились два тонких ряда линий. Верхний повторял росчерк Марка в служебном журнале. Нижний — подпись неизвестного мужчины под протоколом прибытия.

Линии совпадали до последнего завитка.

Не совпадали только отпечатки рук. У нижнего не хватало трёх пальцев.

«СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОДПИСЕЙ: ПОДЛИННЫ.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИЦ: ПОДЛИННЫ.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЙ ПРИСУТСТВИЯ: НЕВОЗМОЖНО».

— Это не будущий ты, — сказала Тая. — У него другая

история присутствия. Система считает вас одним человеком в двух взаимоисключающих местах.

Марк посмотрел на свои целые пальцы.

— Если это всё-таки я, надеюсь, он хотя бы умеет оплачивать коммунальные услуги вовремя.

Вера не улыбнулась. Она обошла барабан и остановилась перед тёмным стеклом.

— Почему он знает моё имя?

Серафима Петровна не ответила.

— Я спрашиваю не у машины, — добавила Вера.

— Знает, потому что знал тебя, — наконец сказала начальница.

— Когда?

Серафима перевела взгляд на детскую тетрадь. Пальцы у неё легли на край обложки; Марк заметил, как сильно она их сжала.

— Семнадцатого сентября, — произнесла она. — В той редакции вы тоже были братом и сестрой.

— Были? — переспросил Марк.

Из потолочной трубы раздался короткий металлический хлопок. На пол упал конверт без адреса. Он приземлился лицевой стороной вверх, и прямо перед ними проступило предупреждение:

«ПРОТОКОЛ ПРИБЫТИЯ ПРИЗНАН ДОСТАВЛЕННЫМ.

ВЫЯВЛЕНЫ ДВА ПРЕТЕНДЕНТА НА ОДНО СВИДЕ-

ТЕЛЬСКОЕ МЕСТО.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ — НА ОТКРЫТОМ СЛУШАНИИ».

На стене сменился счётчик.

«ДО СЛУШАНИЯ: 00:56:18».

— Вы с ним знакомы, — сказал Марк начальнице.

— Да.

— И поэтому вы три года заставляли меня расписываться даже за чистую бумагу?

— В том числе.

— Какая удивительно увлекательная биография. Может, у меня ещё есть третий брат в бухгалтерии?

Серафима посмотрела на него с таким выражением, что шутка показалась Марку неудачной ещё до того, как он её произнёс.

— Когда слушание начнётся, — сказала она, — предъявят обе подписи. Если признают одну, другая история исчезнет. А вместе с ней могут исчезнуть все, кто на эту историю опирался.

— Включая Веру?

— Я пока не знаю.

Это прозвучало страшнее обычного начальственного «не знаю». Серафима Петровна ненавидела неопределённость. Она даже чай заваривала по секундомеру.

Сверху послышался глухой удар.

Потом ещё два.

Сначала Марк подумал, что Сборщики передумали ждать слушания. Но удары были неровными. Кто-то колотил в наружную дверь корпуса Б кулаками.

— Синицына! — раздалось издалека. — Откройте! Мы знаем, что она здесь!

Вера выключила телефон. Звонки продолжали сыпаться на потухший экран так часто, что стекло само вспыхивало от уведомлений.

— Меня нашли быстрее, чем обычно находят утерянные документы, — сказала она.

— Ты недооцениваешь нашу организацию, — ответил Марк. — Документы мы вообще не находим.

Серафима подняла с пола конверт и сунула за пазуху.

— Выход наверх. Всем. Машину не трогать.

— Почему? — спросил Егор.

— Потому что внизу у нас открытый канал в списанный город, а наверху — четыреста тысяч живых людей, которым только что сообщили, что срок их жизни связан с именем одной девушки. И кто-нибудь обязательно решит, что для спасения города достаточно вычеркнуть это имя.

— Достаточно? — тихо спросила Вера.

— Нет, — сказала Серафима. — Но они этого пока не знают.

. . .

Лестница из двадцати четырёх ступеней показалась Марку намного длиннее, когда он поднимался наверх, зная, что с той стороны двери его ждёт не кабинет с остывшим кофе, а собственная популярность.

С популярностью дело обстояло действительно неплохо.

Кто-то сорвал табличку «Отдел невручённых извещений». На её месте торчал обрывок листа: «ВЫДАИ НАМ ДЕТЕЙ». Орфографическая ошибка выглядела особенно трогательно на фоне того, что ниже кто-то процарапал гвоздём фамилию его сестры.

За мутным стеклом входной двери теснились люди. Марк разглядел мужчину в форме машиниста, женщину с бинтом на голове, подростка с разбитым телефоном. Часть толпы пришла злиться. Часть — просить. Большинство, судя по лицам, ещё не выбрало, что именно хуже.

У проходной сидел сторож дядя Лёва. В обычный день он мог проспать пожарную тревогу, проверку пожарной безопасности и сам пожар. Сейчас он держал в руках ружьё для запуска сигнальных ракет и выглядел так, словно собирался извиниться перед всеми, в кого попадёт.

— Лев Борисович, — сказал Марк. — Где вы его взяли?

— В пожарном шкафу. — Сторож глянул на красный ствол. — Тут написано «Не направлять на людей». Значит,

вещь хорошая. Кто-то подумал о последствиях.

Снаружи закричали:

— Она здесь! Отдайте девчонку!

Вера встала рядом с братом, не прячась у него за спиной. Только чуть сдвинула вес на здоровую ногу.

— Не вздумай меня тащить через чёрный ход, — предупредила она.

— Там, скорее всего, тоже люди.

— Я серьёзно.

— И я. В прошлый раз чёрного хода у нас не было. По описи.

Тая подошла к окну. У неё по-прежнему дрожали руки, но голос оставался твёрдым:

— Им нельзя позволить проникнуть в архив. Если кто-то без допуска коснётся первичных документов, проверка начнётся немедленно. Часа не будет.

— Я могла бы поговорить, — сказала Вера.

— Тебя здесь назовут виновной во всём, — ответила Тая. — Даже в том, что у них дома не работает отопление.

— Оно и правда не работает, — раздалось от двери.

Все обернулись.

Мужчина в сером плаще стоял посреди кабинета. Марк готов был поклясться, что секунду назад его там не было. На шее у мужчины висел пустой держатель удостоверения, а в руке — тонкая прозрачная папка.

— Глеб Коршун, — представился он. — Инспекция пер-

вичных оснований. Меня прислали проверить, почему отдел, который не в состоянии доставить квитанцию о замене лампочки, сумел отсрочить исполнение восьмидесяти одной смерти.

Он оглядел выбитую щеколду, рассыпанные штампы и мокрый след от двери хранилища.

— Вижу, сегодня отдел немного расширил специализацию.

— Откуда вы вошли? — спросил Марк.

— Через служебный вход.

— Его нет.

— У вас нет. У меня есть.

Коршун показал удостоверение. На нём действительно была фотография. Марк почувствовал, как в его жизни появился человек, который умеет издеваться над коллегами не хуже начальницы, а вдобавок располагает полномочиями.

— Вера Андреевна Синицына? — спросил инспектор.

— Здесь.

— До открытого слушания я обязан обеспечить вашу явку и безопасность. Пойдёте со мной.

— Куда? — спросил Марк.

— В зал первичной сверки.

— Адрес?

— Не указан.

— Отлично, — сказал Марк. — Сегодня мы уже сажали людей в транспорт с неуказанным адресом. Не всем понра-

вилось.

Коршун посмотрел на него пристально, без раздражения.

— Вашу сестру собираются растерзать у дверей. Я могу провести её через служебный коридор под охраной. А могу составить протокол о вашем отказе и оставить всё как есть. Выбирайте не по чувству юмора, Синицын.

В этот момент стекло входной двери треснуло. Чья-то ладонь надавила снаружи, и створка откатилась на несколько сантиметров.

— Синицына! — крикнула женщина. — Мне нужна не она. Мне нужен мой ребёнок!

Женщина протиснулась в щель раньше, чем сторож сумел поднять своё ружьё. Она была в домашней куртке поверх пижамы, без шапки, с мокрыми волосами и окровавленной ладонью. В этой ладони она сжимала телефон, словно это было последнее, что удерживало её в мире.

— Моей дочери пятнадцать, — сказала женщина. — Её зовут Ника Юдина. Она позвонила из белого автобуса. У неё отобрали телефон, но сообщение дошло. Скажите, где она.

Марк шагнул к ней.

— Я ищу пассажиров. Мы нашли автобусы. Большая часть людей жива.

— Большая часть? — переспросила женщина.

Он ощутил, как легко бывает произнести утешение, которое оборачивается угрозой.

— Я не могу пока назвать точное место. Но мы с ними

связывались.

— Тогда почему её нет в списке?

Женщина включила телефон. На экране была открыта городская публичная ведомость. Марк увидел знакомые строки маршрута, семьдесят раз перечитал имена и понял, что списки теперь доступны каждому жителю Бережска.

— Я проверила трижды. Ника была в шестом составе. Потом в автобусе. Она звонила мне оттуда. А теперь в реестре её нет. Вы мне объясните, как человек может пропасть из списка, но всё ещё успеть прислать голосовое сообщение?

Марк почувствовал, как сердце ударило в рёбра.

Шестьдесят восемь нынешних пассажиров. Одна Мария Молчанова из прошлого.

И одно имя, которого не хватало.

Он посмотрел на женщину.

— Покажите сообщение.

Телефон был разбит в одном углу. На стекле застыли крошечные трещины, похожие на белую паутину. Женщина нажала воспроизведение.

Сначала зашипели колёса. Потом послышался испуганный, слишком быстрый голос:

— Мам, я нормально. Нас везут. Не ругайся, я не должна была садиться в этот поезд. Мы тут… Тут люди не двигаются. Знаешь, как на старых фотках, когда камера сломалась? Нас всех записывают. Мне дали бирку с номером. Если я её потеряю, обещай, что…

Звук захлебнулся. Где-то рядом с девочкой сухо щёлкнула печать. Затем раздался чужой голос:

— Шестьдесят девятое место предоставлено ранее ожидающему.

— Какому ещё ожидающему? — возмутилась девочка.

— Просим освободить место.

— Я стою! У меня и места-то нет!

Запись оборвалась.

Анна Юдина — имя появилось на экране, когда женщина перевернула телефон — посмотрела на Марка.

— И всё. Потом связь пропала. Она даже не успела сказать, что я должна обещать.

Марк закрыл глаза на мгновение. Ему было легче представлять себе «шестьдесят девять отправлений», чем девочку, которая боялась материнского гнева больше, чем смерти, пока не поняла, куда попала.

— Мы знаем, где возникла ошибка, — сказал он. — Не знаем, где она сейчас. Это разные вещи.

— Мне всё равно, где у вас ошибки, — ответила Анна. — Верните мне дочь.

Её слова неприятно ударили по памяти Марка. Семнадцать лет назад маленькая Вера просила о том же самом. И какой-то документ ответил ей так, что из-за этого до сих пор не могли спокойно уснуть сотни тысяч людей.

— Я не стану обещать того, чего не умею, — сказал он. — Но я попробую найти её по последней настоящей отметке.

Мне понадобится ваше сообщение. И ваше свидетельство — когда вы в последний раз видели Нику лично.

— На Литейной. Около шести. Она махнула мне из окна, пока состав отходил.

Коршун открыл прозрачную папку.

— Слова матери заинтересованного лица — не независимое подтверждение, — сообщил он. — Запись в телефоне могла быть сделана где угодно. Пока вы доказали только существование аудиофайла.

Марк повернулся к нему.

— Вы всегда умеете так успокоить людей?

— Только когда мне нужна правда, а не удобная версия. Не путайте одно с другим.

— Тогда найдите нам первичную ведомость, — вмешалась Вера. — Не ту, которую система уже переписала. Ту, куда люди попали перед автобусом. С бумажными отметками медицинского осмотра. Они же должны были кого-то регистрировать.

Коршун едва заметно приподнял бровь.

— Должны. И где, по-вашему, она?

— У Платонова, — сказала Тая.

— Откуда уверенность?

— Он любит иметь документ, которым можно доказать, что виноват не он.

Инспектор достал из плаща плоский служебный передатчик, набрал три цифры и произнёс:

— Олег Геннадьевич. Инспекция первичных оснований. По делу ноль-ноль-ноль-один требуется исходный список посадки на спецтранспорт. Не электронный. Подписанный до отправления.

Ответ они не услышали. Коршун слушал молча, глядя на трещину в двери.

— Вы уже сами признали подмену согласий. Значит, хранить оригинал обязаны были в двух экземплярах. Я не собираюсь спрашивать, почему вы выполнили только половину собственной инструкции… Да, здесь Синицын. И заявительница. И мать пропавшей девочки.

Его лицо стало неподвижным.

— Через сколько?

Коршун отключил связь.

— Платонов будет через четыре минуты.

— А не могло быть счастливой случайности, — пробормотал Марк, — и он принёс бы нам пиццу?

— Он привезёт вооружённое сопровождение, — сказал инспектор. — Это ближайший аналог.

Снаружи снова ударили по стеклу. В щель просунули листок с фотографией мальчика лет семи. На обороте было написано: «ИЛЬЯ САВЕЛЬЕВ. БЕЛЫЙ АВТОБУС. ПОМОГИТЕ». Следом кто-то протянул листок с номером телефона. Потом ещё один.

Анна подобрала фотографии с пола. Её собственные пальцы дрожали, но она стала складывать их в аккуратную стоп-

ку.

— Вы можете и им сказать, что живы? — спросила она.

— Мы разговаривали с одной из пассажирок, — ответил Марк. — Ольгой Ратной. Она была в автобусе с другими. Временное место существует. Пока нет безопасного адреса, их нельзя оттуда вывести.

— Значит, вы хотя бы знаете, что они не умерли?

— Да. На тот момент были живы.

Анна подняла голову. В её взгляде снова появилось что-то, чего там не было минутой раньше. Не надежда — надежда была бы слишком самоуверенна. Возможность действовать.

— Тогда скажите это всем. Люди пришли потому, что никто ничего не говорит. На городских экранах только ваша сестра и слово «задолженность». Все думают, что вы прячете трупы.

— Мне тоже так кажется по некоторым документам, — признался Марк.

Вера подошла к служебному терминалу у двери. На экране мигала строка «ПУБЛИЧНАЯ СВЕРКА. ПРЯМАЯ ПОДАЧА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ». Она провела пальцем по полю «ЗАЯВИТЕЛЬ» и поморщилась: рядом с её именем уже висели тысячи неподтверждённых обвинений.

— Тут можно показать запись, — сказала она. — Вместе с подтверждением, что людей вывезли, но конечный адрес не определён. И с предупреждением не подходить к станции.

Коршун посмотрел на экран.

— Без заверения инспекции это сочтут заявлением заинтересованной стороны.

— Так заверьте, — ответила Вера.

— Мне понадобится увидеть материал.

— Смотрите. Только не говорите, что ваша подпись теперь ничего не значит. Мы сегодня этим сыты.

Тая подала инспектору карточку маршрута, на которой стояло «ОТПРАВЛЕНО: 69. ПОЛУЧЕНО: 0». Коршун изучил её долго, провёл ногтем по боковому краю и побледнел.

— Откуда у вас исходящая форма Б-ноль?

— Из старой сортировочной машины, — ответила Серафима.

— Машина уничтожена в две тысячи сороковом.

— Как видите, это несколько преувеличено.

Инспектор не стал спорить. Поставил на терминале своё удостоверение, дождался подтверждения и произнёс в микрофон:

— Инспекция первичных оснований удостоверяет: шестьдесят девять человек переданы на промежуточное хранение без адреса окончательной доставки. Подтверждения их гибели не поступало. Рекомендуется не предпринимать самостоятельных попыток проникнуть на станцию «Литейная» и не мешать открытой сверке.

Ещё он хотел добавить, что ведомство контролирует ситуацию, но Вера успела выключить микрофон.

— Не надо врать на первой минуте, — сказала она.

За дверью шум изменился. Он не исчез. Но несколько человек перестали стучать. Кто-то принялся читать сообщение вслух. Кто-то начал искать своё имя в списке.

Серафима тяжело опустилась на край стола.

— Ты понимаешь, — сказала она Вере, — что теперь они будут задавать тебе вопросы? Ты добровольно вышла к ним как заявитель.

— Пусть задают, — ответила Вера. — Только бы не заставляли отвечать за то, чего я не делала.

На экране появился вопрос, написанный без ругательств, без обвинений, совсем просто:

«А вы правда можете вернуть моего сына?»

Под ним — имя Анны Юдиной и фотография Ники. Анна уже успела отправить своё сообщение в общий канал.

Марк уставился на эти две строки.

Он мог читать скрытые реквизиты, спорить с актами и случайно попадать в число собственных родственников. Но написать в ответ «да» у него не было никакого права.

Поэтому он ответил: «Я узнаю, что с ней произошло. Начну сейчас».

. . .

Платонов прибыл через три минуты сорок секунд.

Дверь перед ним открыли снаружи, и вслед за полковни-

ком вошли двое сотрудников в бронепальто. Они не навели оружие ни на Марка, ни на Веру. Вместо этого один из них встал у проходной, другой — у лестницы. Впервые за вечер вооружённые люди выглядели полезными: они не давали толпе давить на стекло и никого не пропускали внутрь.

Полковник остановился перед Анной Юдиной.

— Ваша дочь была в шестом составе?

— Да.

— Она связалась с вами после погрузки?

Анна кивнула.

— Мне нужен этот звук, — сказал Платонов.

— Ей нужен ребёнок, — ответил Марк.

Полковник повернулся к нему.

— Однажды ты поймёшь, Синицын, что не каждую фразу обязательно улучшать последней репликой.

— Дайте мне шанс дожить до этого дня.

Платонов положил на стол серую папку с металлической застёжкой. На крышке было написано: «МАРШРУТ 6. ПЕРВИЧНАЯ ПОСАДКА. ЭКЗЕМПЛЯР ДЛЯ ПРОВЕРКИ».

Коршун сразу потянулся к папке. Полковник удержал её двумя пальцами.

— Вы понимаете, что раскрываете внутренний маршрут, инспектор?

— Вы понимаете, что ваш маршрут содержит несовершеннолетнюю, которую никто не может обнаружить, полковник?

Они посмотрели друг на друга. В этом обмене не было ни дружбы, ни вражды. Два человека, слишком давно работающие с катастрофами, проверяли, кто первым вспомнит слово «ответственность».

Платонов отпустил папку.

На листе было шестьдесят девять подписей сотрудников медицинской группы. Не пассажирских — отметки о том, что каждого человека осмотрели и посадили. Марк пробежал глазами строки и остановился на последней.

«ЮДИНА НИКА СЕРГЕЕВНА. 15 ЛЕТ.
ПОСАДКА В АВТОБУС № 4: 18:57.
ПЕРЕДАЧА ПО МАРШРУТУ: ПОДТВЕРЖДЕНА».

Рядом шла отметка о выдаче зелёного браслета. Бумага сохранила вдавленный след печати.

— Она действительно была там, — выдохнула Анна.

— Была, — подтвердил полковник.

Марк перевернул лист. На обороте значился другой список — уже после прибытия в Б-ноль. Шестьдесят восемь нынешних пассажиров. И Мария Молчанова.

— Ника исчезла между посадкой и доставкой, — сказал он. — Её место занял человек, которого вы ждали семнадцать лет.

Платонов взглянул на Егора. Мальчик стоял у шкафа и так крепко сжимал жетон, что костяшки пальцев побелели.

— Я не назначал замену, — произнёс полковник. — При открытии маршрута выяснилось, что там уже есть адресат. Машина обязана была принять ожидающего первым.

— То есть она выбросила девочку, — сказала Анна.

Полковник не стал искать более приятного глагола.

— Да.

— Куда?

— Между редакциями. Пока не назначено место возвращения, такой человек существует без строки в доставочной ведомости.

— Вы знали?

На этот вопрос Платонов ответил не сразу.

— Я знал, что ведомость не сошлась. Не знал имени. До того, как услышал запись, считал, что недостаёт одного из тех, кто спасся на станции.

Анна села на стул, который пододвинул ей сторож. Медленно, как садятся после очень долгого пути. Она ни разу не

заплакала. Марк почему-то предпочёл бы слёзы.

— Я отправила её за хлебом, — сказала она. — Она обещала вернуться до семи. Я ещё думала, что ей не повезёт, если опоздает.

Никто не ответил.

Тая взяла исходную ведомость и карточку маршрута. Поставила рядом. Потом подвела к ним руку Марка.

— Видишь?

Его запястье обожгло знакомой чернильной линией. За словами на бумаге вспыхнули скрытые графы.

«РАСХОЖДЕНИЕ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО СПИСКА: 1.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ФАКТИЧЕСКОЙ ПОСАДКИ: 1/2».

— Второе — мать и голосовое сообщение, — сказал Марк.

— Запись не доказывает местоположение, — возразил Коршун.

— Зато доказывает, что после посадки девочка получила уведомление о замещении, — вмешалась Вера. — На записи слышна точная формулировка. Сначала ей сообщили, что место занято, потом приказали освободить. Исходная ведомость подтверждает, что до этого она была законным пассажиром автобуса. Разные источники. Разные времена. Одно расхождение.

Марк медленно разложил доказательства под настольной

лампой. Отправил звук по старому служебному кабелю в архивный терминал и положил бумажную ведомость в приёмный лоток. Его пальцы действовали быстрее мысли — три года сортировки внезапно оказались неплохой подготовкой к разбирательству с мирозданием.

Бумага дернулась.

«ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: 2/2.

ЛИЦО, НЕПРАВОМЕРНО ИСКЛЮЧЁННОЕ ИЗ МАРШРУТА: УСТАНОВЛЕНО.

ЮДИНА НИКА СЕРГЕЕВНА.

ТЕКУЩИЙ СТАТУС: ОТПРАВЛЕНИЕ БЕЗ АДРЕСА».

У Анны дрогнуло лицо. Она прочла имя вслух, словно боялась, что оно снова исчезнет.

— Теперь она вернётся? — спросила женщина.

Из терминала выдвинулась белая полоска бумаги.

«ДЛЯ ВОЗВРАТА ТРЕБУЕТСЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ АДРЕСАТА.

АДРЕС ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ КОРИДОР РЕДАКЦИИ Б-0.

ПРАВО НА ВОЗВРАТ: НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Марк посмотрел на адрес, потом на лестницу, ведущую к сортировочной машине.

Оказывается, установить, где пропал ребёнок, было всего лишь началом неприятностей.

— Я пойду, — сказала Анна.

Это прозвучало настолько естественно, что никто сразу

не возразил. Мать услышала адрес, по которому находится дочь, и предложила идти к ней. В большинстве миров на этом месте история переставала быть сложной.

Коршун покачал головой.

— В промежуточный коридор допускаются только уполномоченные лица, указанные в первоначальном деле.

— Тогда выпишите мне полномочия.

— Они не выписываются живым людям.

Анна посмотрела на него. Её лицо было совершенно спокойным.

— Значит, вы предлагаете мне умереть?

— Я предлагаю вам остаться матерью, которую дочь сможет узнать, когда вернётся, — ответил инспектор.

Впервые Марку нечего было добавить к словам Коршуна.

Из архивного лотка, спрятанного под столом, неожиданно вылетела узкая синяя полоска. Серафима поймала её на лету, пробежала глазами и заметно побледнела.

— Он передал ответ.

— Кто? — спросила Вера.

Начальница положила бумагу на стол.

Почерк был знакомый. Чуть более угловатый, чем у Марка, но с той же нелепой привычкой перечёркивать букву «т» слишком длинной чертой.

«НИКУ НЕ ИЩИТЕ В АВТОБУСЕ.

НЕУЧТЁННЫХ ДЕРЖАТ В КОРИДОРЕ МЕЖДУ ДОСТАВКАМИ.

ДЛЯ ЯВКИ НУЖНА ВСТРЕЧНАЯ КВИТАНЦИЯ.
ВЕРУ НЕ ПРИВОДИТЬ.
М.»

Ниже стоял отпечаток правой ладони с двумя пальцами.

— Ты писал? — спросила Вера.

— Сегодня много интересного узнал о себе, но лишние пальцы пока не отрезал.

— Значит, он нам помогает, — сказала Тая.

— Или заманивает, — возразил Коршун.

Серафима не отрывала глаз от последней строчки.

— Он не стал бы предупреждать второй раз, если бы опасность была не настоящей.

Вера резко повернулась к ней.

— Серафима Петровна, я вас уважаю. Тридцать лет вы работаете с документами, которые пытаются всех убить. Но ещё раз произнесёте «я знаю, но не скажу» — я своими руками откручу у вашей секретной машины всё, что откручивается.

— Много работы, — заметил Марк. — Она величиной с дом.

— Начну с того, что под ногами.

Начальница села прямо и сложила руки на коленях.

— В редакции Б-ноль Марк выжил, — сказала она. — В той самой, где город был признан погибшим. Условия первого происшествия там сложились иначе. Он не отдал место сестре. Ему не пришлось: выбор за него сделали раньше.

Марк почувствовал холод.

— Вера погибла?

Серафима кивнула.

— Четырёхлетняя Вера. До того, как успела написать заявление.

В комнате стало очень тихо.

— А там, где мы, — продолжила Серафима, — ты предложил своё место, тебя исполнили, а Вера потребовала тебя обратно. Возникла отсрочка. Две несовместимые истории сохранили слишком многое, чтобы одну можно было просто стереть. Та, в которой ты видишь меня сейчас, получила семнадцать лет. Другая — нет.

— Но ему уже двадцать шесть, — сказала Тая. — Не меньше. Как он прожил годы внутри одной остановленной минуты?

— Я не знаю всех обстоятельств, — призналась начальница. — В старую редакцию поступали чужие дни. Недоставленные. В ней можно было стареть, не дожидаясь завтрашнего утра. Иногда за это приходилось платить.

— Тремя пальцами, — сказал Марк.

Серафима не ответила.

Вера долго смотрела на брата, как будто ей нужно было убедиться, что он действительно стоит здесь, со смешным кофейным пятном на брюках, а не на другой платформе семнадцать лет назад.

— В том городе меня нет, — произнесла она.

— В той истории, — уточнила Серафима.

— Не поправляйте. Мне от этого не легче.

Марк хотел обнять сестру, но Вера уже отвернулась. Не от него. От мысли, что где-то вырос её брат, который не помнит ничего из их жизни: ни материной болезни, ни ссор из-за денег, ни потерянного карандаша, ни того, как она в детстве притворялась спящей, чтобы он донёс её до кровати.

— Почему ему нельзя меня видеть? — спросила она.

— Потому что твоя смерть там оформлена окончательно, — сказала Серафима. — Если ты войдёшь и предъявишь себя как живого заявителя, старая редакция получит два несовместимых подлинных свидетельства. Не знаю, какое из них она выберет. Но не хочу проверять на тебе.

— А мне можно? — спросил Марк.

Коршун раскрыл карточку с двумя подписями.

— Формально ваше прибытие туда уже оформлено на завтрашнее число. И вы числитесь умершим с тридцать девятого года. То есть у вас есть основания запросить повторную явку как свидетеля. Но если пойдёте, нельзя будет утверждать, что вы одновременно присутствуете на нашем слушании.

— У нас на слушании будет Вера, — сказал Марк.

— Вы представитель по делу. Не она.

— Она заявитель. По делу, которое сама не выбирала.

— Тем более ей нужен представитель, — упрямо ответил Коршун.

Вера подняла руку.

— Я всё ещё здесь. Я могу назначить брата своим поверенным на время его отсутствия, а потом принять полномочия обратно. Или у вас и для этого есть запрет?

— Есть, — сказал инспектор. — Поверенный не имеет права передавать полномочия самому заявителю, если тот признан недееспособным по первоначальному акту.

— Мне был четыре года! — вспыхнула Вера.

— Было, — тихо поправил Марк. — Тебе сейчас двадцать один.

Коршун замолчал.

Марк посмотрел на него и вдруг понял, что тот не из вредности цитирует инструкцию. Инспектор пытается найти в огромной системе маленькое место, где настоящий сегодняшний возраст Веры важнее её старого дела.

— Какие документы доказывают, что она совершеннолетняя? — спросил Марк.

— Паспорт, — ответил Коршун.

Вера достала документ из кармана.

— Диплом о завершении обязательного образования, — продолжил инспектор.

— Есть фотография и выписка.

— Две независимые записи о фактической жизни после предъявленного несовершеннолетнего возраста.

— У меня есть медицинская карта с переломом руки в двенадцать лет, — сказала Вера. — И три неоплаченных

штрафа за нарушение правил сборки лабораторного оборудования.

— Штрафы тоже свидетельствуют о гражданской дееспособности, — задумчиво произнёс Коршун.

— Наконец-то, — сказал Марк. — В нашей семье нарушения начинают приносить пользу.

Инспектор вытащил чистый лист.

— Можно подать ходатайство об актуализации возраста заявителя в рамках слушания. Отдельно от первоначального акта. Если я приму его сейчас, Вера Андреевна сможет выступать от собственного имени. Но тогда ответственность за её слова станет личной. Не детской. Никакого возврата к прежней недееспособности.

— А я что, могла вернуться? — спросила Вера.

— По бумагам — в любую секунду.

Она взяла ручку.

— Значит, пора взрослеть и на бумаге.

Марк придержал лист.

— Ты уверена?

Вера посмотрела на него долго и с неожиданной мягкостью.

— Я семнадцать лет жила с человеком, который всегда пытался решать за двоих. Мне это даже нравилось, когда я была маленькой. Сейчас я могу сама сказать, что хочу. И хочу, чтобы Нику вернули матери.

Она расписалась.

Чернильная линия на руке Марка отозвалась горячим уколом. Документ показал:

«ЗАЯВИТЕЛЬ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: ВОЗРАСТ АКТУАЛИЗИРОВАН.

ПРАВО ЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ: ПОДТВЕРЖДЕНО.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ: ЛИЧНАЯ».

Под последней строкой появилось поле, которое раньше было закрыто.

«ВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДАЧА СВИДЕТЕЛЬСКОГО ПОРУЧЕНИЯ: ДОПУСТИМА».

Коршун глядел на поле так, будто его только что ограбили при помощи закона, который он сам три минуты назад защищал.

— Не радуйтесь, — предупредил он. — Передача даст Синицыну право войти как свидетелю для предъявления недоставленного лица. Не даст права изменить исходный долг. И если он не вернётся к слушанию, выступать придётся вам. Одной.

Вера посмотрела на брата.

— Наконец-то получу право перебивать тебя официально.

— Ты им давно пользуешься без лицензии.

Она подписала временную доверенность.

Серафима медленно взяла лист и встала.

— Тогда идём к машине. У нас осталось меньше получаса.

. . .

В сортировочном зале воздух изменился. Старинные зубья работали вразнобой, будто между ними попала невидимая пружина. В окошках барабана вместо улиц мелькали чужие лица, пакеты, лампы, обрывки написанных наспех писем.

Марк вдруг понял, на что смотрит. Это были не изображения параллельных миров. Это были вещи, которые кто-то пытался доставить в неправильные дни.

На одном стекле промелькнула поздравительная открытка, адресованная женщине, умершей до своего рождения. На другом — чашка с треснувшей ручкой. На третьем мужчина в рабочей каске протягивал телефон сквозь стену комнаты, которой больше не существовало.

— Не отвлекайся, — сказала Тая. — Любой из них может попросить тебя расписаться. И тогда ты окажешься адресатом того, чего не должен получать.

— Не переживай. С сегодняшнего дня я расписываюсь только за еду и отпуск.

— В отделе у тебя никогда не было отпуска, — напомнила Серафима.

— Видите, как хорошо устроена техника безопасности.

Анна Юдина спустилась вместе с остальными. Она не собиралась оставаться наверху. Серафима разрешила ей смот-

реть, но провела белую меловую черту перед барабаном.

— За неё не заходить. Даже если услышите Нику. Особенно если услышите.

Мать кивнула.

Вера раскрыла панель пульта. На табло горела надпись:

«РАЗЫСКИВАЕМОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ: ЮДИНА Н. С.

МЕСТО: МЕЖРЕДАКЦИОННЫЙ КОРИДОР.

ПОЛУЧАТЕЛЬ ДЛЯ ВРЕМЕННОЙ ЯВКИ: ОТКРЫТОЕ СЛУШАНИЕ № 0001».

— Слушание может принять Нику только как свидетеля, — объяснил Коршун. — До завершения проверки. Её долг по первоначальному поезду никуда не денется.

— То есть если вернуть её сейчас, после слушания она может умереть, — сказала Анна.

— Да, — ответил инспектор.

Анна закрыла глаза. Потом подняла голову.

— Верните на время. За остальное буду спорить сама.

Марк почувствовал уважение к женщине, которая всего двадцать минут назад пришла в пижаме, не зная ни одного правила, а теперь разговаривала с инспектором как равная. Возможно, это и было самым опасным для системы — не редкий допуск, а человек, который перестал соглашаться на чужие условия только потому, что их произнесли уверенным голосом.

Тая нажала на латунный ползунок. Барабан выбрал окно со старой почтовой платформой. В нём стоял человек с ли-

цом Марка и тёмными провалами вместо трёх пальцев.

На этот раз он не пытался кричать. Он показал бумажную табличку:

«ТОЛЬКО ОДИН. БЕЗ ВЕРЫ».

Марк подошёл ближе.

— Ты вообще умеешь здороваться? — спросил он.

Человек по ту сторону стекла убрал табличку и коротко улыбнулся. Улыбка оказалась ужаснее сходства: Марк узнал её. Именно так он улыбался Вере, когда говорил «всё нормально», хотя сам уже знал, что всё плохо.

Вера шагнула вперёд, но остановилась у меловой черты.

— Скажи ему, — попросила она, — что я рада, что он жив.

Слова на миг застряли у Марка в горле. Он приложил ладонь к стеклу и медленно, так, чтобы губы можно было прочесть без звука, сказал:

— Она рада, что ты жив.

Другой Марк вдруг отвернулся. Его плечи опустились, словно он перестал держать на них что-то невыносимо тяжёлое. Потом он поднял руку и написал на запотевшем стекле:

«СПАСИБО».

Тая закрыла глаза. По её лицу прошла боль, не похожая ни на одну из полученных сегодня ран.

— Тебе не нужно платить правкой, — сказал Марк.

— Я и не собираюсь. Просто… — Она коснулась пальцами виска. — Есть слова, которые даже когда-то хорошо зна-

комый человек может не успеть услышать.

Она отступила, давая ему место.

Коршун раскрыл доверенность Веры и приложил её к панели. На барабане появилось новое поле:

«ПОРУЧЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: СИНИЦЫН М. А.

ОСНОВАНИЕ: ФАКТИЧЕСКАЯ НЕДОСТАВКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ ЮДИНОЙ Н. С.

СРОК ПОЛНОМОЧИЙ: ДО НАЧАЛА ОТКРЫТОГО СЛУШАНИЯ.

УЧЁТ ВОЗВРАЩЕНИЯ: НЕ ГАРАНТИРОВАН».

Марк прочёл последнее дважды.

— Не гарантирован — прекрасный способ продавать билеты.

— Это не билет, — сказал Коршун. — Это предупреждение.

— Разница между билетами и предупреждениями у нас обычно выясняется на конечной.

— Синицын, — произнесла Серафима, — в Б-ноль не доверяй указателям времени. И не оставляй там ничего, что тебе дорого. Даже мелочей. Они могут стать доказательством твоего присутствия, и тебя уже не выпустят.

— А если кто-то попросит меня выбрать между собой и Верой?

Серафима встретила его взгляд.

— Не выбирай. В этом деле с самого начала слишком многие пытались заставить детей делать выбор за взрослых.

Вера подошла к брату и вынула из кармана карандаш. Короткий, заточенный с двух сторон, с ободранной надписью «НЕ ВЕРНЁШЬ — ПРОКЛЯНУ».

— Ты его так и не отдал, — сказала она.

— Я полагаю, проклятие уже действует.

Она сунула карандаш обратно ему в нагрудный карман.

— Теперь это официальное поручение. Вернись и верни.

— Из-за карандаша меня ещё никогда так строго не отправляли на смерть.

— Я тебя не отправляю на смерть, дурак. Я доверяю тебе дорогу обратно.

Марк хотел сказать что-нибудь смешное. Ничего не придумал.

Он только накрыл её ладонь своей.

Потом шагнул в стекло.

. . .

Стекло оказалось холоднее льда и мягче мокрой бумаги.

Сначала Марк перестал чувствовать пол. Потом — тяжесть собственной куртки. Последним исчезло ощущение, что у слова «вчера» есть только одна сторона.

Он стоял на почтовой платформе.

Сверху горел свет, от которого не было теней. На стене висели часы: 18:41:59. Секундная стрелка то вздрагивала, то возвращалась назад. Где-то далеко бесконечно падала метал-

лическая чашка и никак не могла достичь пола.

Марк коснулся запястья. Чернильная линия осталась на месте, но рядом проступила новая тонкая надпись:

«МЕСТО ПРИБЫТИЯ: НЕ УСТАНОВЛЕНО.

СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО».

— Хоть что-то здесь действительно, — пробормотал он.

Перед ним тянулся узкий коридор, где от пола до потолка висели тысячи прозрачных пакетов. В каждом было что-то, что кто-то не получил: школьная тетрадь, ключ с красной лентой, чашка с недопитым чаем. Между ними дрейфовали человеческие силуэты. Некоторые спали. Некоторые, кажется, кричали, но звука не было.

В дальнем конце коридора стояла девочка в жёлтой толстовке. На спине висел оранжевый рюкзак. Она смотрела на собственные руки, которые то становились прозрачными, то возвращались.

— Ника! — позвал Марк.

Девочка подняла голову.

— Вы врач?

— Нет. По образованию я специалист по тому, чего люди не получили вовремя.

— То есть почтальон?

— Звучит унизительно, но по существу верно.

Она шагнула к нему. Коридор вытянулся, и расстояние между ними увеличилось. Ника остановилась, испуганно

огляделась.

— Я уже пыталась выйти, — сказала она. — Каждый раз снова оказываюсь тут. Сначала был автобус. Потом меня попросили уступить место тёте. Я встала, и дверь оказалась совсем не там. А теперь всё время вижу одно и то же.

— Твою маму зовут Анна?

— Да. Вы её знаете?

— Она пришла за тобой.

Лицо девочки изменилось.

— Она злится?

— Очень. Так сильно, что даже инспектор не смог её остановить.

— Значит, это точно мама.

Марк достал из кармана встречную квитанцию. На ней медленно проступила строка:

«ПРЕДЪЯВИТЬ ЛИЦО НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОЛУЧАТЕЛЮ».

Внизу появилось поле для подписи. Марк почти по привычке поднёс к нему ручку, но остановился.

Всё началось с подписей, которые ставили за других. С согласия, о котором никто не спросил. Впервые за вечер у него была возможность не повторять эту ошибку.

— Ника, — сказал он, — я могу попытаться вывести тебя. Но тогда ты вернёшься не сразу домой. На слушание. Там тебя будут спрашивать, как ты попала сюда. А ещё может оказаться опасно. Я не могу обещать, что после слушания

всё станет хорошо.

Девочка сглотнула.

— А мама там будет?

— Да.

— Тогда я согласна. Только можно я сама подпишу?

Марк протянул ей квитанцию.

Она вывела имя аккуратно, с маленькой точкой над «и». Сразу после этого её силуэт перестал мерцать. В коридоре раздался резкий звон, словно кто-то бросил ложку на пустую тарелку.

«АДРЕСАТ ПРЕДЪЯВЛЕН.

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО ЛИЧНО.

ДОСТАВКА НА СЛУШАНИЕ: РАЗРЕШЕНА».

За спиной девочки распахнулась прямоугольная прорезь. Там, далеко и странно плоско, Марк увидел сортировочный зал. Анна Юдина стояла у меловой черты, обеими руками зажав рот.

— Мама! — крикнула Ника.

Её голос впервые стал слышен сразу в обоих городах.

Девочка побежала. На этот раз коридор не удлинился. Анна бросилась ей навстречу, забыв про меловую черту, про предупреждения и всё на свете. На секунду Марк испугался, что мать тоже втянет в старую редакцию, но Тая успела удержать Анну за куртку, а Вера буквально выдернула Нику за рукав.

Они столкнулись по ту сторону прорези и упали на пол.

Марк видел, как Анна прижимает дочь к себе, как девочка что-то говорит, как Коршун проверяет у неё пульс и почти незаметно отводит лицо, чтобы никто не увидел облегчения.

На его запястье появилась новая строка:

«ВОЗВРАТ НЕУЧТЁННОГО ЛИЦА: ИСПОЛНЕН.
ДОЛГ ПО ПЕРВИЧНОМУ АКТУ: НЕ ПОГАШЕН.
ЛИЧНАЯ ЯВКА СВИДЕТЕЛЯ: ЗАВЕРШЕНА».

Потом прорезь закрылась.

Марк остался по другую сторону.

— Эй, — сказал он. — У меня здесь ещё одно поручение. Надо вернуть карандаш.

Никто не ответил.

Он обернулся. На конце коридора стоял мужчина в тёмной куртке. Его лицо было лицом Марка, только прожившим слишком много дней, которые никому не полагались. Правая рука заканчивалась двумя пальцами. Левую он держал в кармане.

— Хорошо сработано, — сказал мужчина.

Голос был похожий. Усталость в нём — нет.

— Вы много говорили, что Веру не приводить, — ответил Марк, — а вот о том, что тут нет обратного билета, предупредить забыли.

— Обратный билет есть. Но сначала ты должен понять, зачем тебя сюда доставили.

— Из-за девочки.

Мужчина покачал головой.

— Девочку ты спас сам. Тебя вызвали раньше, чем она потерялась.

Он подошёл ближе. Марк увидел на его куртке крошечный знакомый значок: красный круг, перечёркнутый нулём. Такой же носила Серафима Петровна.

— Ты не мой будущий вариант, — сказал Марк.

— Нет.

— И мы не можем быть одновременно правы?

— Можем. Только за это кому-то придётся платить.

— Кому?

Мужчина достал из левого кармана толстую папку. По краям она была обожжена. На обложке стояла дата Первого несовпадения и название города: «БЕРЕЖСК». Ниже — цифра «14», зачёркнутая так сильно, что бумага прорвалась.

Под ней красным чернилом кто-то дописал: «15».

— У каждого из нас, — сказал старший Марк, — был город, который он пытался спасти.

— Что значит «каждого»?

Вместо ответа мужчина раскрыл папку.

На первой странице был акт о спасении жителей Бережска. На второй — акт об их гибели. На третьей — опять о спасении. И на каждой странице под решением стояла одна и та же подпись. Та, которую Марк видел на собственном приговоре завтрашним числом.

Его подпись.

И не его.

— Семнадцать лет назад, — произнёс мужчина, — я согласился поручиться за город. Мне сказали, что это даст вам время.

— Нам?

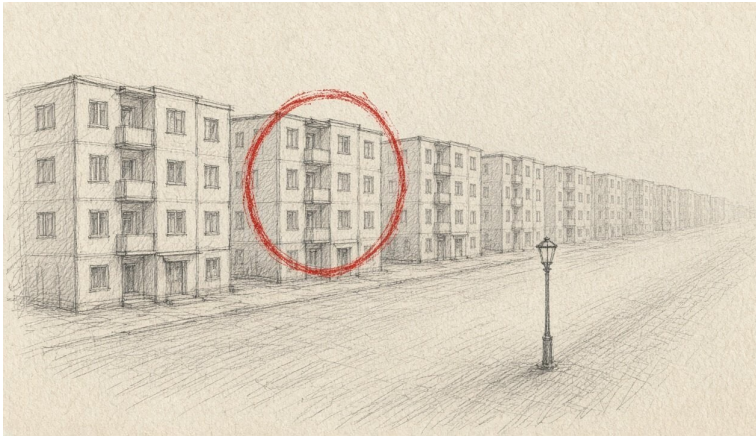
— Тебе. Вере. Людям, которых я ни разу не встречал. Думал, что смогу спасти всех, даже тех, кто уже умер у меня на глазах.

Он закрыл папку.

— Я не знал, что каждый раз, когда нам дают отсрочку, её забирают у другого Бережска.

Марк почувствовал, как под ногами задрожал пол. Вдоль коридора один за другим загорелись четырнадцать тёмных окон. За каждым виднелся город. Где-то горели дома, где-то шёл снег, где-то на улицах не было ни одного человека. В последнем окне женщина несла на руках маленькую девочку в красном ботинке.

Над окнами проступила надпись:

«РЕДАКЦИЯ 15: ОЖИДАЕТ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО УТВЕРЖДЕНИЯ».

— У тебя осталось меньше двадцати минут до слушания, — сказал старший Марк. — И меньше четырёх часов до того, как нашу подпись признают окончательной.

— Так отзовём её.

— Я пытался.

— Четырнадцать раз?

Старший Марк долго молчал.

— Нет, — сказал он. — Четырнадцать раз я пытался сделать это один.

Он положил перед Марком папку. Внутри лежал ещё один лист, до сих пор закрытый чёрной печатью. На нём были всего две строки:

«ПОРУЧИТЕЛЬ: НЕ УСТАНОВЛЕН.

ПРАВО НАЗВАТЬ ПОРУЧИТЕЛЯ ПРЕДОСТАВЛЕНО СВИДЕТЕЛЮ, ПРИБЫВШЕМУ ИЗ РЕДАКЦИИ 15».

— В этот раз, — произнёс старший Марк, — ты должен вернуться к людям и спросить их, готовы ли они узнать, кто за них платил.

Из всех окон одновременно донёсся стук.

Четырнадцать печатей ударили в стекло.

А на запястье Марка загорелись новые слова:

«ДОПУСК 1.

ЗАПРОШЕН ПЕРЕСМОТР ОСНОВАНИЯ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: 0/2.

ДО НАЧАЛА ОТКРЫТОГО СЛУШАНИЯ: 00:18:06».

Глава пятая
Четырнадцать квитанций

Четырнадцать печатей ударили в стекло.

Марк пригнулся. Это оказалось совершенно бесполезно: стекла не разбились. Вместо этого на каждом из них проступило по одному круглому отпечатку, и над улицами четырнадцати мёртвых Бережсков загорелись красные слова:

«ТРЕБОВАНИЕ О ВОЗВРАТЕ ПРЕДЪЯВЛЕНО».

— Отлично, — сказал Марк. — Ещё и кредиторы. Сегодня у меня явно день финансовой грамотности.

Старший Марк схватил его за воротник и оттащил от ближайшего окна.

— Не читай имена вслух.

— Какие имена?

Тот показал на первую строчку под печатью. Марк успел увидеть лишь «РЕДАКЦИЯ 04. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПОЛУЧАТЕЛЬ…», прежде чем мужчина заслонил надпись ладонью.

— Прочитаешь — признаешь, что требование вручено. Потом оно получит адрес в твоём городе.

— А если я заткну уши?

— Поможет, если ты умеешь читать ушами.

— У нас в Управлении это повышенная квалификация.

Из четырнадцатого окна донёсся звук, напоминающий дождь по жестяному навесу. По ту сторону стояла остановка; на ней люди в мокрых пальто ждали трамвая, который никогда не придёт. Возле скамьи сидела девочка, прижав к коленям картонную коробку. На коробке было написано мелом: «ПАПИНЫ ВЕЩИ».

Марк отвёл взгляд.

Труднее всего было не смотреть. Он уже понял, что эти города существовали не для наглядности. Там когда-то жили люди, которые ставили чайник, ругались из-за грязной обуви и откладывали разговор с близким человеком до завтра. А затем кто-то распорядился их завтра без спроса.

На запястье мигнуло:

«ДО СЛУШАНИЯ: 00:17:31.ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПЕРЕСМОТРА: 0/2».

— Вы говорили, нужно узнать, кто платил, — сказал Марк. — Я вижу четырнадцать счетов. Где доказательство, что они вообще имеют отношение к нашему городу?

Старший Марк приоткрыл папку. За каждой из четырнадцати вкладок лежал корешок квитанции. На корешках были разные даты, разные номера, разные печати. Совпадало одно: графа «Причина списания».

«ОТСРОЧКА ДЛЯ БЕРЕЖСКА. РЕДАКЦИЯ, ОЖИДАЮЩАЯ УТВЕРЖДЕНИЯ».

— Это копии, — сказал молодой Марк.

— Да.

— Значит, в суде они ничего не стоят.

— В первичной сверке — почти ничего.

— У меня складывается впечатление, что вы провели здесь семнадцать лет преимущественно с пользой для теоретических исследований.

Старший Марк не обиделся. У людей, утративших три пальца и четырнадцать городов, обычно портилось чувство юмора. У него оно, кажется, просто перестало быть роскошью, на которую можно тратить силы.

— Оригиналы хранятся у отправителя, — сказал он. — В месте, откуда отсрочки выдали.

— В том месте, куда можно попасть?

— Можно. Я ходил туда четырнадцать раз.

— И каждый раз выходил не с тем количеством пальцев?

— Первые девять раз я выходил с пальцами. Это, как видишь, не помогло.

Он перевернул папку. На обратной стороне обложки от руки была нарисована схема сортировочной машины: четырнадцать входящих линий сходились в маленьком квадрате, помеченном словом «КАССА».

Марк смотрел на схему и чувствовал, как медленно смещается что-то внутри головы. Не та приятная ясность, с которой герой приключенческой книжки внезапно понимает устройство мира, а другое: перед ним стоял человек, похожий на него самого, и этот человек добросовестно проигрывал одно и то же дело семнадцать лет.

— Почему вы не забрали оригиналы сразу? — спросил Марк.

Старший коснулся пустого места на правой руке.

— На выдаче требуют подпись получателя. Мою признают подписью того, кто уже согласился поручиться. Как только я её ставлю, срок исполнения сокращается до нуля. Я могу держать квитанцию. Не могу законно получить её на руки.

Марк посмотрел на своё запястье.

«ДОПУСК 1».

— А моя подпись?

— Твоя пока ещё не поставлена под поручительством.

— «Пока» — слово, которое вы произносите особенно обнадёживающе.

— Я не прошу тебя подписывать поручительство. Только расписку о получении доказательства. Разницу придётся доказать до того, как тебя попытаются убедить, что её нет.

В тёмном конце коридора что-то щёлкнуло.

Ни у одного из этих четырнадцати городов не было нормального неба. Теперь Марк заметил: над окнами потолок тоже становился всё ниже. Тёмные балки медленно опускались, будто помещение сдавливали между двумя тяжёлыми страницами.

— Сколько времени до кассы? — спросил он.

— Четыре минуты. Если нас не заметят.

— А если заметят?

— Тогда она найдёт нас сама.

— Кто она?
— Выдача.
Коридор за их спинами произнёс сухим женским голосом:
— Выдача слышит.
И заскрипели дверные петли.

. . .

За одиннадцать минут до слушания Вера Синицына выяснила, что в зале первичной сверки очень неудобные скамейки.

Скамейки были сделаны так, чтобы человек не мог ни расслабиться, ни встать без скрипа. По мнению Веры, это была первая совершенно честная деталь в архитектуре Управления непротиворечивости.

Ника Юдина сидела рядом с матерью и держала оранжевый рюкзак перед собой, словно щит. Анна то поправляла дочери капюшон, то проверяла её ладонь. Если бы не измазанные пылью джинсы Ники и не испуганные взгляды в сторону дверей, можно было бы подумать, что мать встретила её после обычного школьного спектакля.

Слева разместились родственники пассажиров автобусов. Справа — люди, которые успели узнать о заявлении Веры и пришли выяснить, почему четырёхлетний ребёнок семнадцать лет назад подписал им смертный приговор. Между ними выстроились сотрудники Платонова в серой форме. Они

не держали оружие на виду. Это успокаивало ровно до тех пор, пока кто-нибудь не замечал у них на ремнях длинные металлические пеналы с прорезями для печатей.

На стене висели часы без стрелок. Вместо них менялась одна строка:

«ДО НАЧАЛА ОТКРЫТОГО СЛУШАНИЯ: 00:10:58».

— Вы хотите отменить весь акт? — спросил Коршун.

Он сидел за столом, где было разложено столько бумажных подлинников, что Вера впервые увидела человека, способного разговаривать с её братом на одном языке.

— Хочу выяснить, кто подал заявление от моего имени, — ответила она. — И почему в нём появились слова, которых я не говорила.

— Ваше детское заявление подлинно. Это установлено.

— Я не отрицаю просьбу вернуть Марка. Я отрицаю, что могла заложить четыреста тысяч человек, не понимая, что такое залог.

Коршун выровнял края папки.

— Это два разных возражения. Если первое вы докажете, ваше заявление признают недействительным. Тогда могут признать недействительной и саму отсрочку. Понимаете последствия?

— Понимаю. Поэтому я не прошу её просто вычеркнуть.

— Уточните цель.

Вера взглянула на стол для свидетелей. Там лежала белая табличка: «ЗАЯВИТЕЛЬ». Под словом было место для име-

ни, а под именем — для отказа от претензий.

— Я хочу отделить мою просьбу о брате от чужого распоряжения городом. Если это один документ, пусть кто-нибудь объяснит, как четырёхлетняя девочка умудрилась составить его лучше, чем сейчас составляют проекты законов.

Коршун медленно поднял глаза.

— Ваш брат смешнее.

— Он много тренируется на работе.

— В отличие от него вы хотя бы понимаете, когда шутите.

Платонов, стоявший у дальней двери, шагнул к столу.

— Инспектор, не следует внушать заявителю надежду на отмену обязательств. Восемьдесят одна смерть предъявлена к исполнению. Часть лиц находится в редакции Б-0; остальных удерживает охрана. При перерыве в слушании мы получим взыскание в присутствии публики.

— Значит, перерывов не будет, — сказала Вера.

Платонов посмотрел на неё так, будто всю жизнь мечтал встретить человека, который по молодости добровольно возьмёт на себя его отчётность.

— Вы не понимаете механизма, гражданка Синицына.

— Тогда объясните. Сколько людей в автобусах?

— Шестьдесят восемь нынешних пассажиров.

— А моя соседка Ника?

— Здесь.

— А мать Егора Молчанова?

Платонов немного помедлил.

— Мария Молчанова в редакции Б-0. Она не входит в число восьмидесяти одного предъявленного обязательства сегодняшнего дня.

— То есть там шестьдесят девять живых людей, а снаружи тринадцать, из которых одиннадцать спаслись на станции, я и Ника. И это не мешает вам называть все восемьдесят одну смерть «обязательствами»?

— Это точное юридическое наименование.

— Именно поэтому я и не хочу никому из вас верить на слово.

Вера потянулась под стол и вытащила из кармана куртки синюю отвёртку. Охранник у двери сразу выпрямился.

— Спокойно, — сказала она. — Я не собираюсь чинить правосудие. Там слишком много деталей под замену.

Она открутила два винта на нижней панели свидетельского стола. Коршун собирался возмутиться, но замер, увидев под крышкой узкую щель для служебных квитанций.

— Вы что делаете?

— Проверяю, почему у стола есть приёмный слот, который почему-то не указан на схеме зала. Я смотрела старые инженерные чертежи, пока вы искали для нас стулья.

За снятой панелью находился маленький бумажный барабан. В нём торчало множество запечатанных конвертов. Над барабаном была наклейка, выгоревшая настолько, что прочесть её удавалось лишь сбоку.

«НЕПРЕДЪЯВЛЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА».

— Платонов, — негромко произнёс Коршун, — почему свидетельства не внесены в открытый перечень?

Полковник не ответил сразу.

— Это технический резерв.

— Я не спрашивал, как вы привыкли это называть. Я спросил — почему?

Вера смотрела на конверты. На ближайшем стоял номер «2039/17-09/ЧЕТВЁРТАЯ ПЛАТФОРМА». Под ним — фамилия человека, которую она знала с детства.

«СИНИЦЫНА. МАТЬ».

Вера забыла про лодыжку. Она поднялась так резко, что скамейка с визгом отодвинулась по полу.

Её мать умерла двенадцать лет назад. Ни она, ни Марк не видели ни одного её письма о событиях 2039 года.

А письмо лежало здесь. Под чужим столом. И всё ещё не было вручено.

— Я потребую включить это в материалы, — сказала Вера.

Коршун выпрямился.

— До слушания десять минут. На установление цепочки хранения уйдёт больше.

— У меня есть десять минут. И у вас тоже.

Над дверями зала кто-то негромко рассмеялся.

Вера обернулась. У дальней стены стоял Егор Молчанов в школьной куртке. Он был бледен, но держался прямо. Тая положила ему руку на плечо, словно не давала ему исчезнуть

в шуме голосов.

— Это не человек смеётся, — сказал Егор. — Это конверты. Они давно ждали, когда их найдут.

. . .

Когда за спиной Марка открылась дверь, первой оттуда вышла тележка.

Небольшая, канцелярская, с тремя полками и криво прикрученным колесом. На верхней полке лежал колокольчик, на средней — ножницы для вскрытия писем, на нижней — толстая книга учёта.

Тележка остановилась. Колокольчик звякнул без чьего-либо прикосновения.

— ЛИЦА, ОЖИДАЮЩИЕ ВЫДАЧИ, — объявил женский голос.

За тележкой вышла женщина в чёрном костюме. Внешне она походила на сотрудницу архива: светлые волосы, усталые глаза, тонкие очки на цепочке. Только лицо у неё было разглажено до пугающей неподвижности, словно все его черты придумали по инструкции, а потом забыли добавить кожу вокруг глаз.

— Марк Андреевич Синицын, — произнесла она. — Два экземпляра. Один с нарушенной комплектностью. Один без отметки о вручении.

— У нас определённо нет времени на обмен дефектных

товаров, — сказал Марк.

— КАЧЕСТВО НЕ ОБСУЖДАЕТСЯ. ПОЛУЧЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Старший Марк толкнул его вперёд.

— К кассе. Не оборачивайся, если услышишь голос Веры.

— Почему я услышу её голос?

— Потому что это единственный голос, на который ты всегда оборачиваешься.

Они побежали.

По левую руку мелькнули мёртвые улицы. В одном окне люди стояли на крыше больницы, прижимая к себе простыни. В другом река замерла вертикальной стеной, и в её толще висели автобусы. В третьем женщина сидела за праздничным столом, расставив пятнадцать тарелок. Перед каждой стояла фотография одного и того же мальчика — в разных возрастах.

Марк успел увидеть слишком многое. Это было похоже на сон, который кто-то пытался объяснить протоколами, но в протоколах хватало места только для дат и смертей.

Позади защёлкали ножницы.

— ЛИЦА, ОЖИДАЮЩИЕ ВЫДАЧИ, — повторила женщина. — НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ УХОД УМЕНЬШАЕТ СРОК ГАРАНТИИ.

— Слышишь, — выдохнул Марк, — у меня гарантия закончится. А ты говорил — четырнадцать лет мучился.

Старший Марк врезался плечом в дверцу под табличкой

«КАССА ВЗАИМНЫХ ОТСРОЧЕК». Дверца была заперта. Он прижал к замку два оставшихся пальца. Светящаяся строка пробежала по железу:

«ПОЛУЧАТЕЛЬ УСТАНОВЛЕН.ПРАВО ПОЛУЧЕНИЯ: ОТКАЗАНО».

Замок щёлкнул обратно.

— Твой черёд, — сказал старший.

Марк приложил к железу ладонь. Под кожей вспыхнула чернильная линия.

«ПОЛУЧАТЕЛЬ: ВПЕРВЫЕ.ОСНОВАНИЕ: ВРЕМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ.ПРЕДМЕТ ПОЛУЧЕНИЯ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛУ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ПОРУЧИТЕЛЯ».

— Серьёзно? — прошептал Марк. — Вера…

Замок не открылся.

Появилась ещё одна строка:

«ВСТРЕЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ОДИН НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ДЕНЬ ЛИЧНОГО БУДУЩЕГО».

Старший Марк опустил глаза.

— Это стало дороже.

— Насколько?

— Раньше просили час.

Марк посмотрел на цифры на запястье.

«ДО СЛУШАНИЯ: 00:08:39».

День будущего. Не день жизни, не день работы, не прогулка в парке, а целые сутки, которые он никогда не прожи-

вёт. Где-то через годы он откроет глаза утром, а затем сразу вечером следующего дня; или день исчезнет из окружающего мира, как до сих пор исчезали улицы. Никто не объяснял, какой именно вариант случится. Управление очень редко уточняло, за что берёт плату.

Марк подумал о Нике, которая сама подписала встречную квитанцию, потому что он не стал врать о последствиях.

— А кто-то ещё сможет подтвердить, что я согласился именно на день, а не на город? — спросил он.

— Я могу выступить свидетелем, — ответил старший Марк.

На дверце загорелось:

«СВИДЕТЕЛЬ ИМЕЕТ ТУ ЖЕ ИСТОРИЮ ЛИЦА. НЕЗАВИСИМОСТЬ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Сзади приближался скрип тележки.

— Идеально, — пробормотал Марк. — Даже мне самому себе доверять запрещено.

Из четвёртого окна послышался тихий женский голос:

— Я подтвержу.

Марк повернул голову.

За стеклом стояла женщина в мокром пальто. В руке у неё был бумажный билет шестого поезда, а на лице — такое выражение, с каким смотрят на знакомого мальчика после долгой разлуки.

Он узнал её по фотографии Егора.

Мария Ивановна Молчанова.

— Только потом, — сказала она, — передайте сыну, что он должен перестать ждать меня у двери.

Марк замер.

— Мария Ивановна? Вы ведь в автобусе.

— Я и сейчас в нём. — Она коснулась ладонью стекла, и только тогда Марк понял: перед ним не открытое окно в ещё один город, а отражение длинного автобусного прохода. За спиной женщины стояли неподвижные пассажиры. Её лицо было единственным живым лицом среди них. — У вас здесь всё время открываются двери. А у нас через них видно, что люди делают со своими обещаниями.

— Мама Егора, — сказал старший Марк, и в его голосе впервые появилось что-то кроме усталости. — Вы можете подтвердить только то, что сами слышали и видели. Не больше.

— Мне никогда больше и не было нужно.

Она подняла билет.

— Семнадцатого сентября мне предложили расписаться за получение сына. Сказали, что я увижу его через пять минут. Я отказалась. Мальчик ждал снаружи, не в поезде. Они зачеркнули мою фамилию и поставили другую. А когда я сказала, что не соглашалась, мне ответили: «Система уже знает, что вы согласитесь».

Марк похолодел.

Та же фраза скрывалась в завтрашней подписи под приговором Бережску. Будущее превращали в доказательство на-

стоящего просто потому, что будущему не позволяли возражать.

— Вы подтверждаете, что слышали условия моего получения? — спросил он.

— Да. Один день твоего будущего за выдачу доказательств. И ничего, кроме этого.

На дверце загорелась строка:

«НЕЗАВИСИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: УСТАНОВЛЕН.СОГЛАСИЕ ПОЛУЧАТЕЛЯ НЕ ПРЕЗЮМИРУЕТСЯ».

— Ваше полное имя, — потребовал голос Выдачи за спиной.

Женщина выпрямилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.